

ОРИНЬЯК БОЛЬШОГО СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: ОБЗОР ОБЩИХ И ОСОБЕННЫХ ИНДУСТРИАЛЬНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК

ВВЕДЕНИЕ

Идентификация комплексов ориньяка и интерпретация их индустриально-хронологической варибельности являются одними из ключевых проблем при понимании процессов переходного периода от среднего к верхнему палеолиту в Старом Свете. Столь популярная среди многих палеолитоведов аккультурационная модель при постулируемой в ней ведущей роли ориньяка в трансформации поздних среднепалеолитических комплексов в ранние верхнепалеолитические значительно утрачивает свою основательность при осознании факта хронологической позиции разнообразных первых верхнепалеолитических индустрий в различных регионах Евразии до появления там ориньяка (см. например: Brantingham et al. 2004; Chabai 2000, 2003; Чабай, 2004а; Демиденко, 2007). Соответственно, изучение ориньяка (см. Goring-Morris and Belfer-Cohen 2003; Le Brun-Ricalens 2005; Bar-Yosef and Zilhao 2006) сейчас больше сконцентрировано на его структурной археологической составляющей и определении общих и особенных черт, которые объединяют его в поразительно единое и одновременно варибельное во время его бытования индустриальное явление раннего верхнего палеолита, позволяющее конкретно анализировать пути распространения людей современного типа в Старом Свете, если не принимать в расчет отдельных сторонников многорегионального и автохтонного его происхождения (см. Riel-Salvatore and Clark 2007).

Общая ситуация с проблематикой ориньяка в Восточной Европе совершенно иная. Дело в том, что с самого начала изучения верхнего палеолита здесь постулируется идея об особом характере индустрий и их не сходстве с комплексами остальной Европы. Особенно ярко это как раз и проявляется с ориньяком, которому в реальности отказано в его наличии в Восточной Европе. Вместо этого предлагается концепция ориньякоидности, самым активным сторонником которой на протяжении последних 20 лет является М.В. Аникович (Anikovitch 1992; Аникович, 1991, 1993, 1994, 1998, 2000, 2003). Примиыкают к нему в России, Украине и Молдове многие коллеги, но особенно активно и с «творческим подходом» идею ориньякоидности восприняли и развивают В.Ю. Коен, В.Н. Степанчук, И.В. Сапожников, а теперь еще и Н.К. Анисюткин с Л.Б. Вишняцким, в результате чего пост-советское палеолитоведение «обогатилось» такими методическими новациями, как «отщепово-пластинчатый или кремс-дюфур ориньяк», «пластинчатый ориньяк», «граветтоидный эпиориньяк», «ориньякоидный эпиграветт», «индустрии ориньякоидного технокомплекса со «среднепалеолитическими пережитками»», в том числе среди последних и комплексы с леваллуазской бипродольной остройной

пластинчатой технологией, «преселет типа Стинка», активно сдобренные процессами различных фантастических симбиозов, гибридизаций и аккультураций, включая таковые для неандертальцев и *Homo sapiens*, которые по археологическим данным невозможно доказать самим же авторам этих идей (см. например: Коен, Степанчук, 2000; Сапожников, 2003; Аникович, 2005а, 2005б, Анисюткин, 2005; Степанчук, 2006; Вишняцкий, 2008; Cohen, Stepanchuk 1999). В итоге, сформировавшийся таким образом, так называемый ориньякоидный технокомплекс – это совокупность индустриально очень разных комплексов времени от 38-36 до 18 тыс. лет назад и даже определение ориньякоидного технокомплекса не соответствует типологическим дефинициям основных типов ориньяка (Демиденко 2004б).

В то же время концепция и индустриально-хронологическая структура ориньяка Европы, которая вполне применима и для ориньяка Леванта и Загроса (Demidenko in press), очень кратко такова (Демиденко 2003б). Есть собственно ориньяк – индустрии времени 2-ой половины Интерпленигляциала Вюрма от 38-36 до 28 тыс. лет назад и условный эпи-ориньяк (ориньяк V) времени максимума похолодания Вюрма около 22-18/17 тыс. лет назад. Ориньяк в узком смысле состоит из следующих трех подразделений: ориньяк 0 / прото-ориньяк / архаичный / примитивный ориньяк; ранний ориньяк / ориньяк I; развитый ориньяк / ориньяк II-IV. Ориньяк 0 специфичен, прежде всего, кареноидными как нуклеусами для пластинок, так и скребками, тогда как кареноидные резцы или отсутствуют, или единичны, а среди микролитов доминируют прямые / немного выпуклые в профиле альтернативно ретушированные пластинки дюфур под-типа дюфур, а также индикативно присутствие отдельных острий кремс / фон-ив. Ориньяк I с костяными / роговыми наконечниками с расщепленным основанием обладает практически всем «стандартным ориньякским индустриальным пакетом», но в то же время характеризуется отсутствием или крайней немногочисленностью кареноидных резцов и если и наличием редких микролитов, то это очень мелкие, варибельно ретушированные и с не-скрученным профилем предметы. Ориньяк II-IV содержит полный кареноидный набор – есть соответствующие и нуклеусы, и скребки, и резцы, а микролиты, если и встречаются, то представлены скрученными в профиле узкими микропластинами дюфур под-типа рок де комб с вентральной ретушью и морфологически такими же, но с дорсальной ретушью микропластинами псевдо-дюфур, тогда как острия кремс / фон-ив и ориньякские пластины со ступенчатой ретушью обычно отсутствуют.

И у нас в Восточной Европе нормальная европейская ориньякская ситуация, где есть различные комплексы и ориньяка, и эпи-ориньяка (Демиденко 2004б). Нужно

только отбросить «ориньякоидную мишуру» и не гордиться, как это делает М.В. Аникович, что комплексы так называемого ориньякоидного технокомплекса «*весьма разнообразны и отнюдь не сводятся к «классическому» ориньяку*» (Аникович, 2005а, с. 11), который у него ассоциируется только с ориньяком I. Почему-то такая более чем странная ориньякоидная ситуация в систематике индустрий верхнего палеолита Восточной Европы не вызывает обычно удивления у коллег из бывшего СССР, хотя если попробовать перенести методические принципы выделения ориньякоидного технокомплекса на средний палеолит Восточной Европы и Кавказа, то тогда следует не стесняясь выделять два таких технокомплекса – *микокоидный* по принципу встречаемости любых типологически, и количественно двусторонних

ковича, Н.К. Анисюткина и Л.Б. Вишняцкого (2007). Просто «дальше было все, как взрыв гранаты» – концепция ориньякоидности в 2007 г. вышла за пределы Восточной Европы и была распространена вышеназванными коллегами на всю Евразию и явно не за горами публикации за рубежом с наставлениями коллег других стран, как надо исследовать ориньяк. Думается, базовой объективной причиной такой экспансии ориньякоидности за пределы Восточной Европы является признание питерскими палеолитооведами дискуссий зарубежных коллег по варибельности ориньяка «*ориньякской путаницей*». Решение такой якобы «*путаницы*» у них следующее и основано на «*четком разграничении двух понятий: «ориньякская культура» и «ориньякоидный технокомплекс»*» (Аникович и др. 2007, с. 130). Соот-

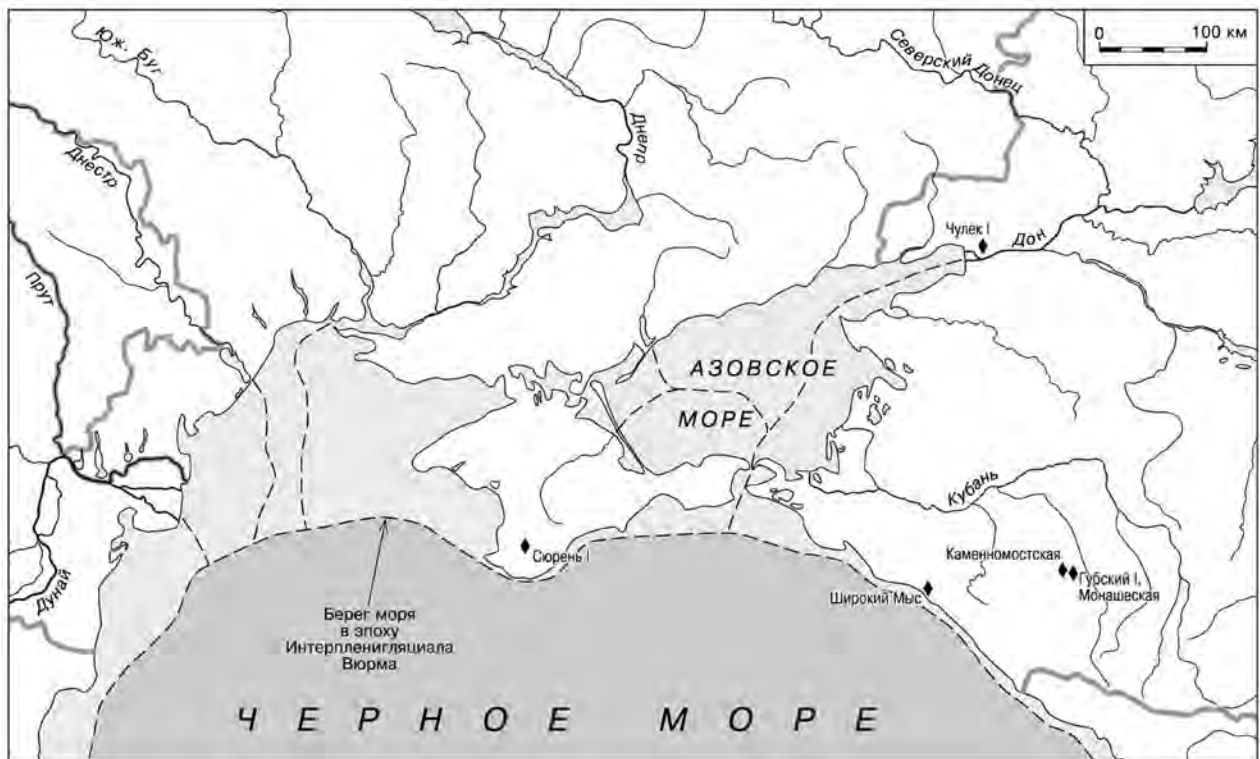

Рис. 1. Карта стоянок Большого Северного Причерноморья с комплексами находок ориньяка.

орудий и *мустьеоридный* с какими-угодно индустриальными характеристиками, но, главное, без двусторонних орудий. Однако в систематике индустрий среднего палеолита такие методологические подходы отсутствуют и вряд ли можно себе представить использование хоть кем-то понятий микокоидный и мустьеоридный технокомплексы, а вот верхнему палеолиту откровенно не повезло – здесь «*-оидность*» в чести.

Можно было бы все-таки особенно не бороться с подобной «лысенковщиной» в верхнем палеолите Восточной Европы – пусть наша территория останется неким «заповедником ориньякоидных игрищ» и не обращать на нее внимание. Ситуация, однако, складывается по иному – «ориньякоидная болезнь» переросла в фазу активного обострения с публикацией книги М.В. Ани-

ветственно, есть «*«ориньякская культура» во Франции и Леванте с присутствием «всех признаков «классического ориньяка»*». Такая позиция не оставляет иного, как предполагать, что люди ориньяка видимо мигрировали на дирижаблях и аэростатах и потому не оставили промежуточных комплексов в Европе, или мигрируя из одного региона в другой, оставляли по дороге комплексы в виде ориньякоидных бастардов, но в точке конечной миграции превращались, как феникс из пепла, опять в так называемый комплектный ориньяк. Во всех же иных регионах Евразии известны лишь комплексы «*ориньякоидного технокомплекса*», которых объединяет «*единство техники скола (получение высоких пластин, избыточная краевая ретушь), приводящая к определенной близости орудийных форм*». Вот так, имея, по сути,

лишь один и типологически не четкий археологический признак (*sic!*) и выделили «море разлитое» ориньякоидных комплексов. При этом различные и кареноидные изделия, и ориньякские микролиты не заслуживают внимания российских авторитетов (Аникович и др. 2007, с. 126). Потому-то ориньякоидным у них может быть почти любой комплекс верхнего палеолита, так как не обязательно «культурно-генетическое родство индустрий», а их сходные элементы объясняются или «результатом культурных влияний, контактов и т.п.», или «могли возникнуть в разных районах конвергентно, совершенно независимо друг от друга» (Аникович и др. 2007, с. 130).

Что тут сказать? Можно только поздравить – при таком подходе, столь важный для понимания раннего верхнего палеолита ориньяк Европы, Леванта и Загроса искусственно индустриально и хронологически размыт и уничтожен.

Осознавая такой безусловный кризис ориньякской концепции по материалам Восточной Европы и какое-то просто «темное средневековье» в ее ориньякоидной интерпретации, не остается ничего иного, как продемонстрировать снова и снова присутствие на наших территориях комплексов ориньяка, которые вполне сравнимы с ориньяком иных территорий, но сторонниками «ориньякоидной идеи» никак не признаются ориньякскими.

ОРИНЬЯК БОЛЬШОГО СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В настоящей статье будет бегло с расстановкой индикативных акцентов показано присутствие серии ориньякских комплексов в Причерноморской и Приазовской северной зоне, которую правомерно именовать Большим Северным Причерноморьем (Демиденко, 2007; Demidenko 2008b). Это территории от Нижнего Поднепровья на Западе через Нижнее Поднепровье и Нижнее Подонцовье до бассейна Кубани на Северо-западном Кавказе на Востоке, включая Крым, если исходить из береговой линии моря периода Интерпленегляциала Вюрма, когда это была сплошная сухопутная полоса юга Восточной Европы (Рис. 1). Суммарно здесь есть 6 стоянок с наличием ориньякских находок. Это Сюрень I (Крым), Чулек I (Нижний Дон), Широкий Мыс, Каменноостская пещера, Губский навес I и Монашеская пещера (северо-западный Кавказ). По индустриальным характеристикам ориньякские артефакты этих стоянок подразделяются на две базовые группы варибельного ориньяка 0 / архаичного ориньяка и развитого ориньяка.

Ориньяк 0 / архаичный ориньяк

Эта группа ориньякских комплексов известна по находкам нижних культуросодержащих седиментов Сюрени I, нижнего слоя Каменноостской пещеры и стоянок Чулек I и Широкий Мыс.

Сюрень I (Крым). Комплексы находок нижнего слоя раскопок 1920-х гг. / пачки горизонтов H и G рас-

копок 1990-х гг. (5 археологических горизонтов с рядом подгоризонтов) являются ключевыми для понимания ориньяка 0 / архаичного ориньяка региона (см. Демиденко, 2000, 2001-2002, 2002). Кроме того, что данные комплексы Сюрени I характеризуются численно очень репрезентативными коллекциями кремневых артефактов, происходящих с суммарно около 100 кв. м раскопок различных участков навеса – около 15500 изделий раскопок 1920-х годов (включая около 80 нуклеидных предметов и около 800 орудий) и 5348 изделий раскопок 1990-х годов (в том числе 27 нуклеидных предметов и 425 орудий), они обладают всеми характерными индустриальными показателями европейского ориньяка 0, или как угодно назовите эту индустрию ориньяка из уже приведенных многочисленных ее названий. Во многих своих предыдущих публикациях по ориньяку Сюрени I автор настоящей статьи пользовался термином ориньяк типа кремс-дюфур для акцентирования Панъевропейского характера ориньякских индустрий этой крымской стоянки, но в этой публикации предпочтение сделано предпочтение в пользу наименования ориньяк 0, как более приемлемого для использования, как будет показано ниже, для объединения различных комплексов стоянок Западной Евразии. Технологически, данные комплексы характеризуются доминирующим производством симметричных в плане и прямых / слабо выпуклых в профиле пластинок и микропластин (вместе 40,3 – 51,1% дебитаж раскопок 1990-х гг., включая сколы-заготовки орудий, реберчатые сколы и авиважи), снятых как с «регулярных» и «кареноидных» нуклеусов для пластинок (Рис. 2, 16-18; 3, 25, 26), так и с кареноидных, включая высокие «с плечиком» / «с носиком», скребков (Рис. 4, 3-8). В то же время, количество пластинок и микропластин приблизительно вдвое уступает общему числу пластинок и микропластин. Типологически, орудийные наборы соответствуют технологическим особенностям индустрии. «Не-геометрические микролиты» (Рис. 2; 3) составляют около 40% всех орудий нижнего слоя 1920-х гг. и от 58,9% до 67,6% всех орудий пачки горизонтов H и G 1990-х гг. без учета среднепалеолитического микокского компонента. Наиболее характерными среди микролитов являются ранние ориньякские типы с плоской и полу-крутой микро-чешуйчатой и микро-ступенчатой ретушью – пластинки дюфур подтипа дюфур (микропластины и пластинки) с альтернативной (55,3% в нижнем слое 1920-х гг. и 63,2 – 72% в пачках горизонтов H и G 1990-х гг.) и вентральной (3% в нижнем слое 1920-х гг. и 7 – 8,7% в пачках горизонтов H и G 1990-х гг.) ретушью (Рис. 2, 1-4, 6-12, 14; 3, 1-4, 6-13, 16-21, 23-24), а также острия кремс / фон-ив (Рис. 2, 13, 15; 3, 5, 14, 15) с альтернативной и дорсальной билатеральной ретушью (присутствуют в нижнем слое 1920-х гг. и есть в горизонте H – 7%, горизонте Gc1-Gc2 – 2,5% и горизонте Ga – 11% 1990-х гг.). Удивительно, но последние идентифицируются как «эпиграветтские / микрограветтские» И.В. Сапожниковым (2003, с. 228-230; 2005) и М.В. Аниковичем (Аникович и др.

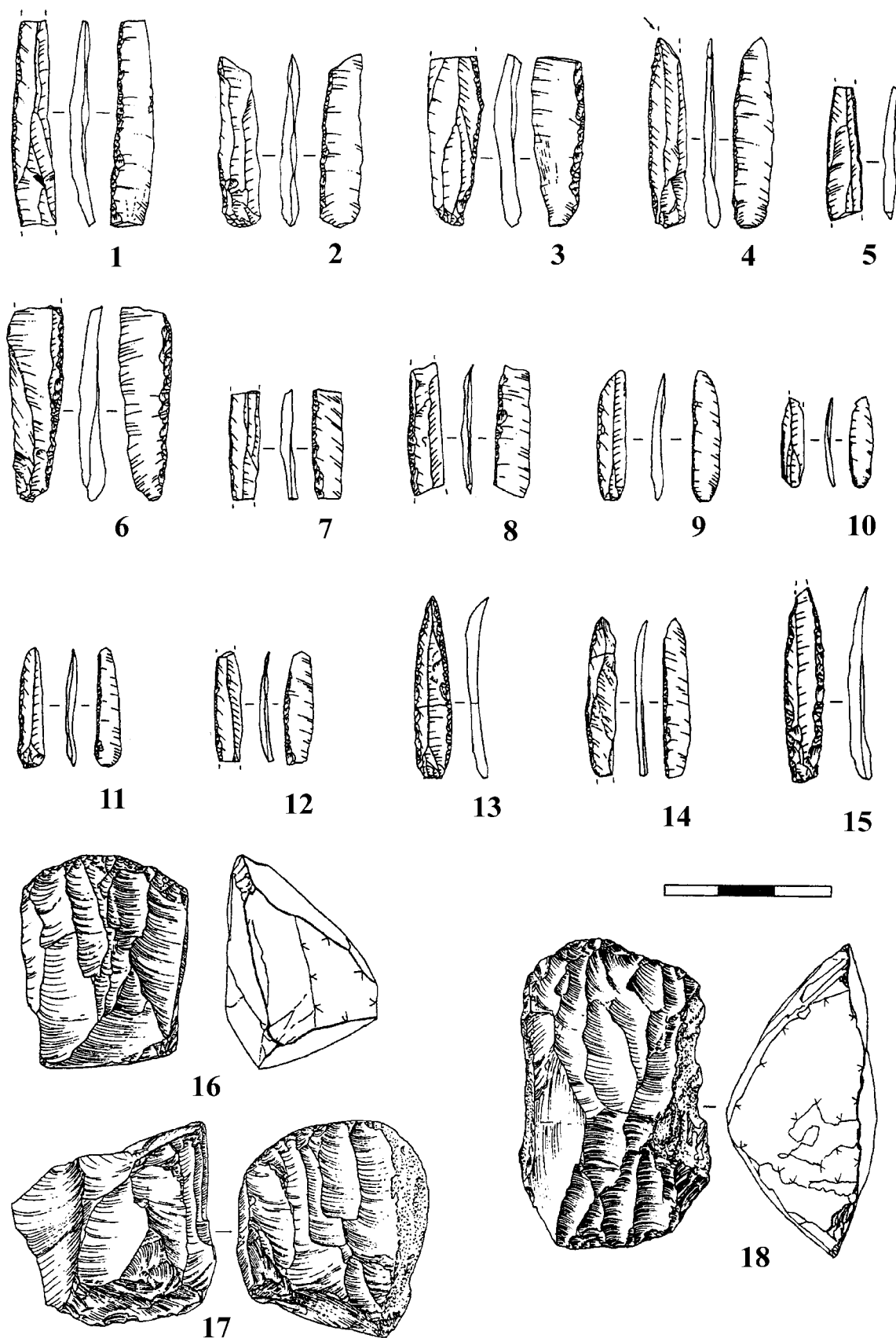

Рис. 2. Сюрень I. Артефакты ориньяка 0 раскопок 1990-х гг. 1-15 – «не-геометрические микролиты», 16-18 – «кареноидные» нуклеусы для пластинок. 1-16 – горизонт H, 17 – горизонт Gd, 18 – горизонт Gc1-Gc2.

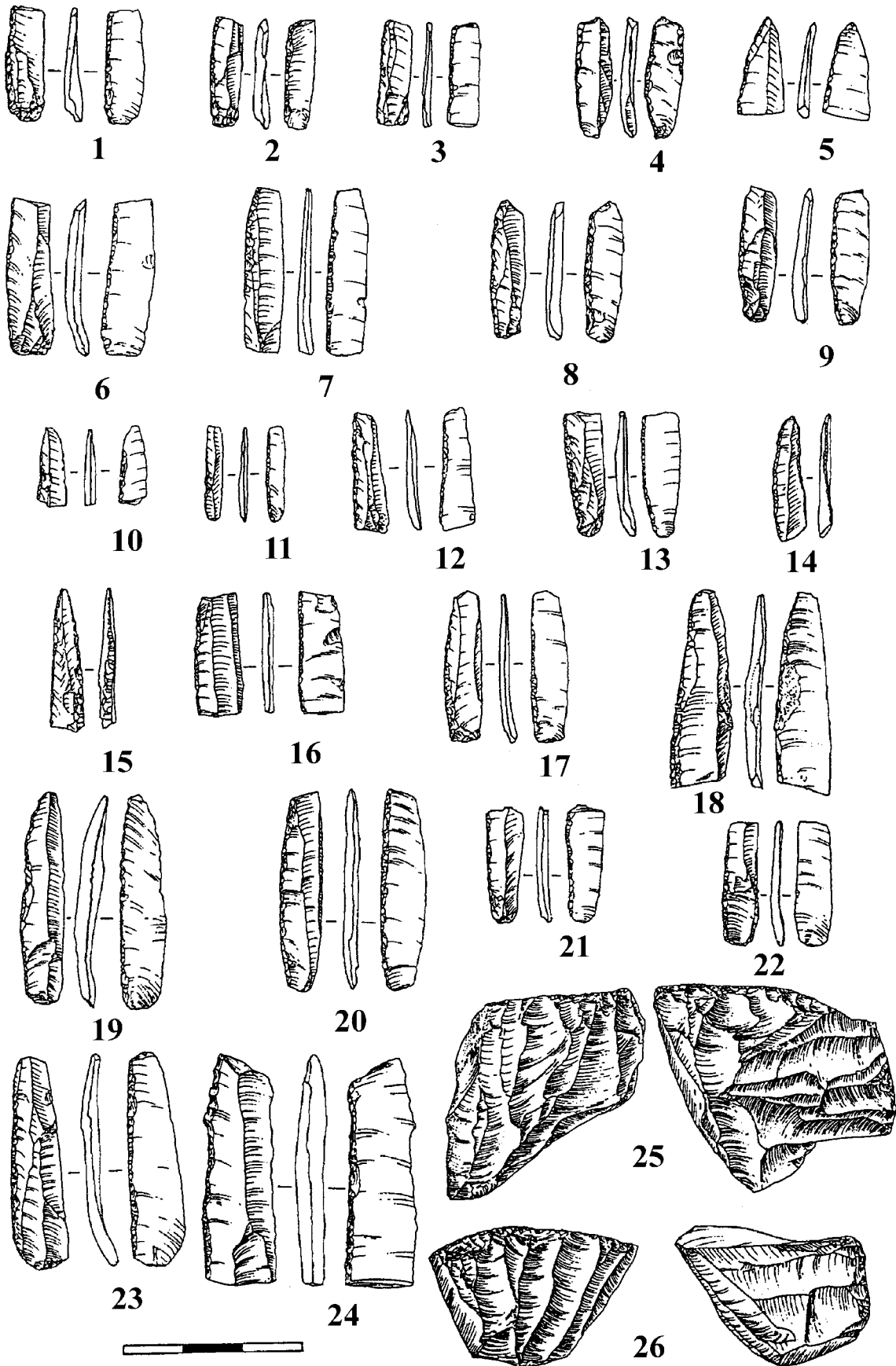

Рис. 3. Сюрень I. Артефакты ориньяка 0 раскопок 1990-х гг. 1-24 – «не-геометрические микролиты», 25-26 – «кареноидные» нуклеусы для пластинок. 1-9, 15-18, 23, 25-26 – горизонт Gc1-Gc2, 10-13 – горизонт Gb1-Gb2, 14 – горизонт Ga, 19-22, 24 – горизонт Gd.

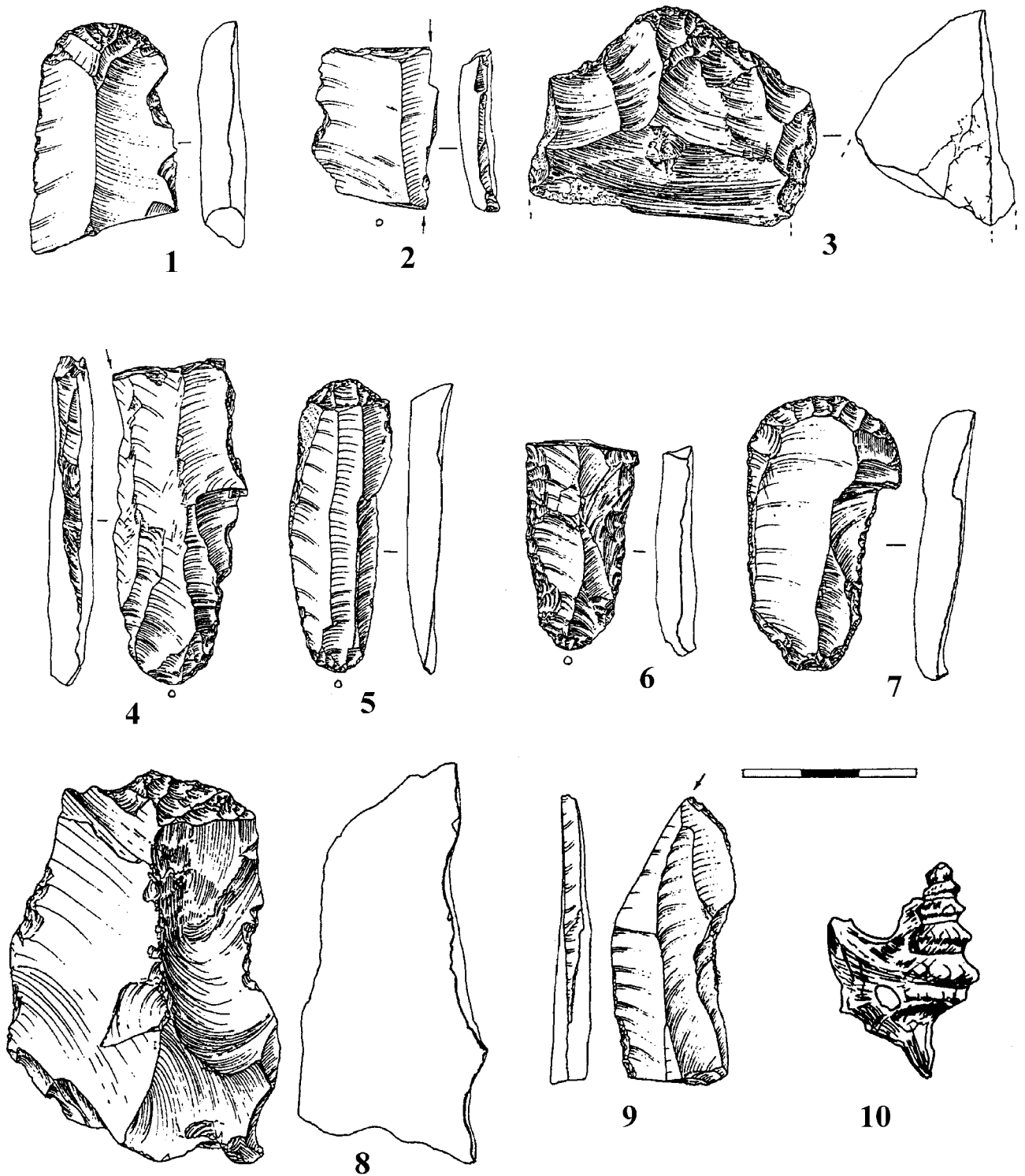

Рис. 4. Сюрень I. Артефакты ориньяка 0 раскопок 1920-х и 1990-х гг. 1, 5, 7 – простые плоские скребки на пластинах, 2, 4 – угловые резцы, 3, 8 – высокие скребки «с плечиком», 6 – билатерально ретушированная пластина с ориньякской ступенчатой ретушью, 9 – боковой резец, 10 – подвеска из раковины *Aporrhais pes-pellicani*. 1 – горизонт Ga, 2, 3 – горизонт Gb1-Gb2, 4, 5, 6 – горизонт Gc1-Gc2, 7 – горизонт Gd, 8, 9 – горизонт H, 10 – нижний слой 1920-х гг.

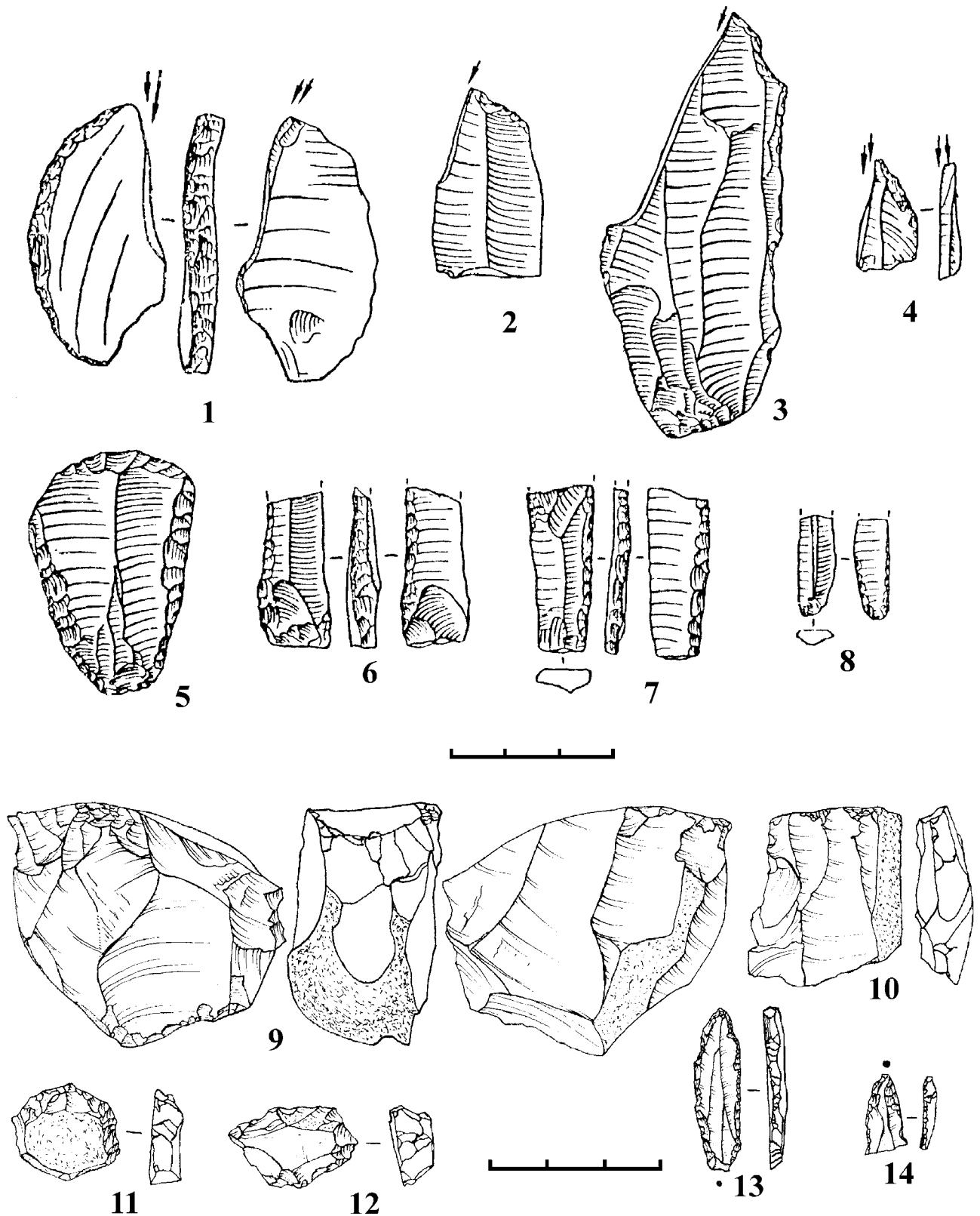

Рис. 5. Чулек I. Артефакты исследований 1957-1961 гг. 1-4 – боковые резцы, 5 – веерообразный скребок на отщепе, 6, 7 – пластинки дюфур с альтернативной билатеральной ретушью, 8 – пластинка дюфур с вентральной билатеральной ретушью, 9 – «кареноидный» нуклеус для пластинок, 10 – нуклеус для пластинок на фрагменте пластины, 11, 12 – небольшие подокруглые плоские скребки, 13, 14 – острия кремс / фон-ив. 1-8 адаптировано по М.Д. Гвоздовер (1964).

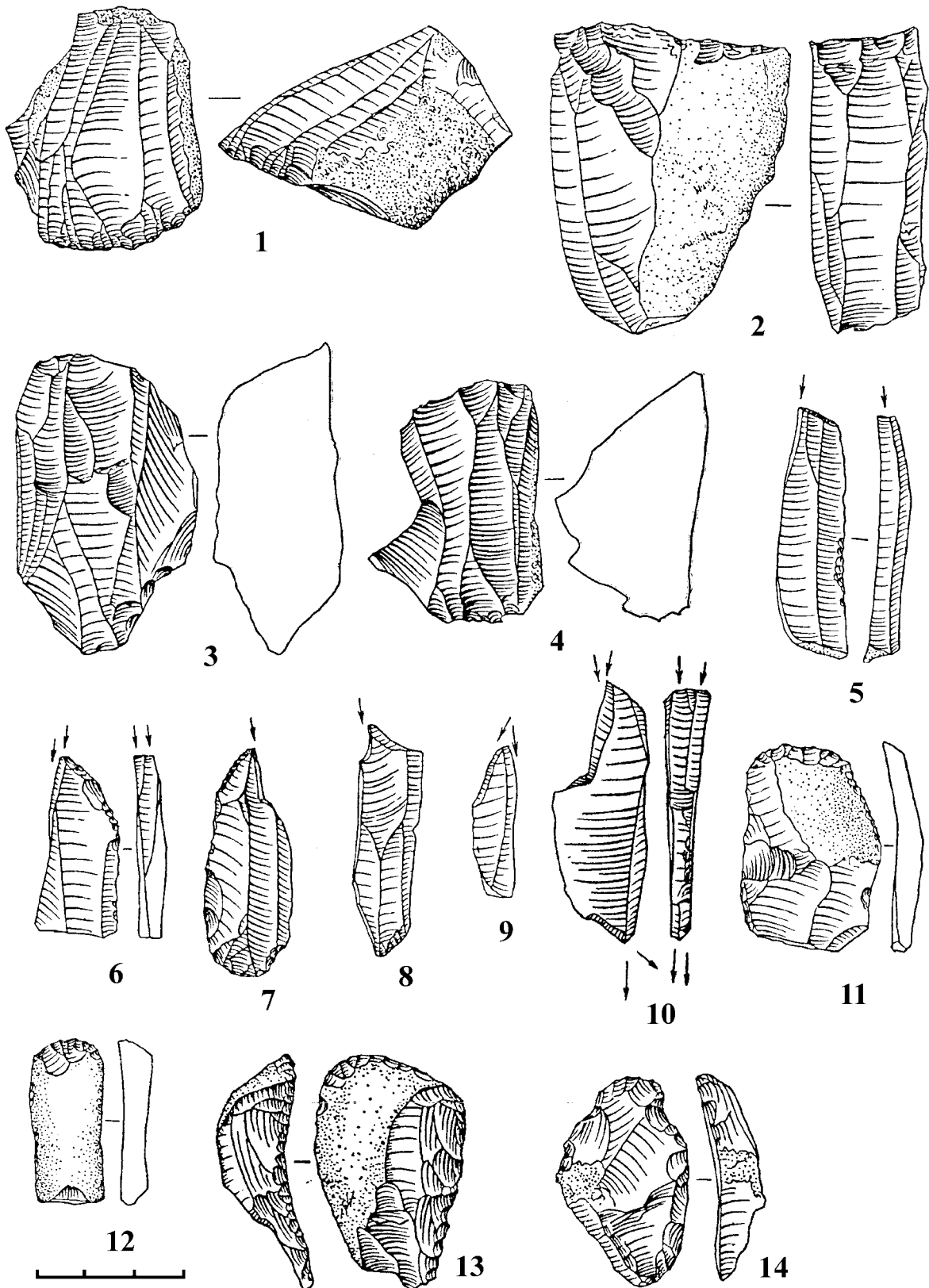

Рис. 6. Каменноостская пещера, нижний слой. Артефакты из раскопок 1961 г. 1, 2 – одноплощадочные нуклеусы для пластин / пластинок, 3, 4 – двуплощадочные бипродольные нуклеусы для пластинок, 5, 6, 7 – боковые резцы, 8 – угловой резец, 9 – срединный резец, 10 – двойной срединный резец, 11, 12 – простые плоские скребки, 13 – скребок на латерально ретушированном отщепе, 14 – плоский скребок «с носиком». 1-14 адаптировано по А.А. Формозову (1971).

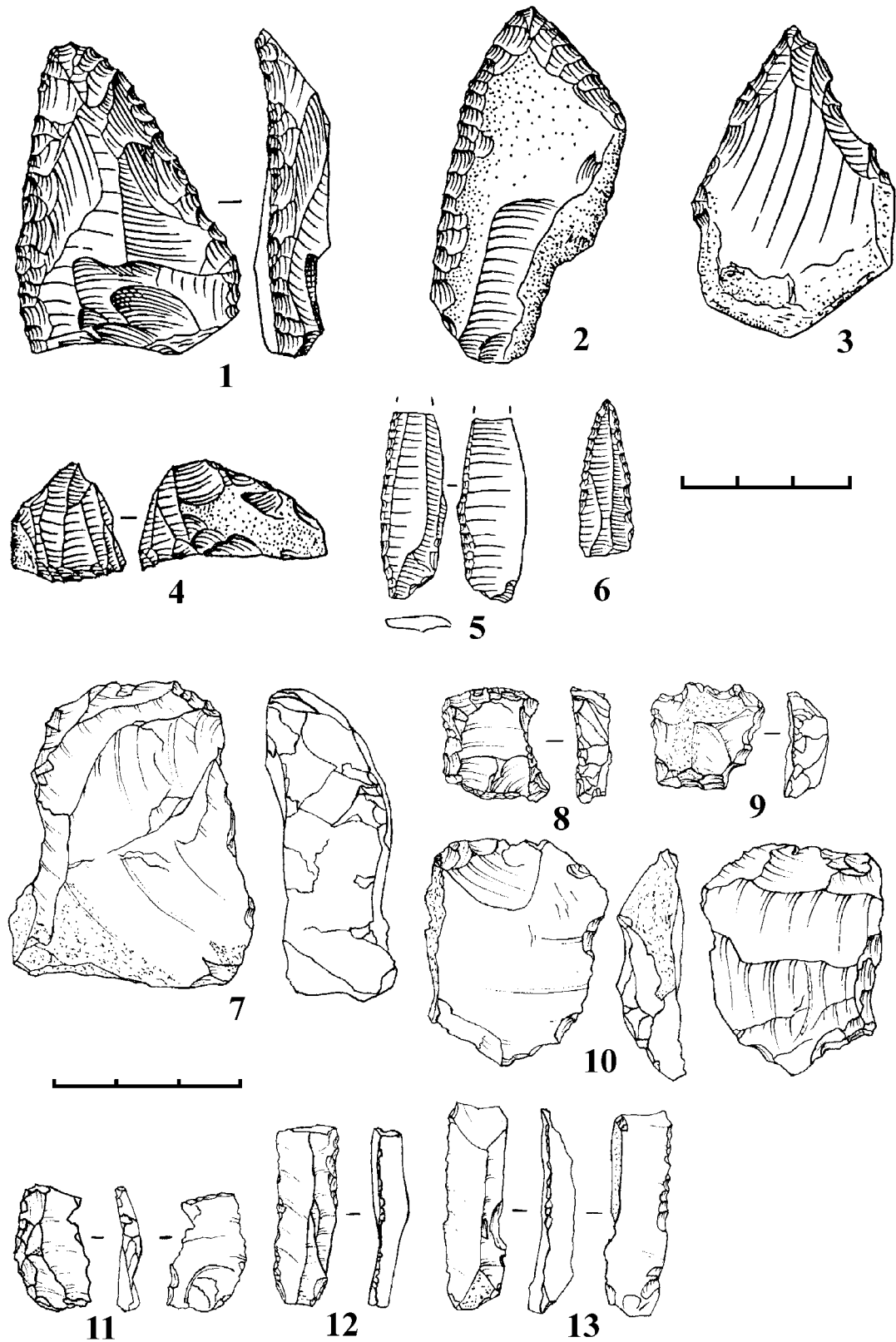

Рис. 7. Каменноостская пещера, нижний слой. Артефакты из раскопок 1961 г. 1-3 – среднепалеолитические типы конвергентных скребел, 4, 7 – кареноидные скребки, 5 – пластинка дюфур с альтернативной билатеральной ретушью, 6 – острое кремс / фон-ив, 8, 9 – небольшие подокруглые плоские скребки, 10 – долотовидное орудие, 11, 12, 13 – «негеометрические микролиты» с различной частичной ретушью. 1-6 адаптировано по А.А. Формозову (1971).

2007, с. 198). Дело в том, что эпиграветтские / граветтские микроострия – это изделия с латеральной притупленной ретушью по одному краю и, если и у них есть полу-крутая ретушь на другой латерали, то частичная, расположенная или в основании, или в острой части (см. например: Нужный, 2008), тогда как ориньякские острия на пластинках характеризуются сплошной полу-крутой билатеральной дорсальной или альтернативной ретушью. Индикативные верхнепалеолитические типы орудий могут быть представлены следующим образом в порядке их численного убывания. Резцы, изготовленные преимущественно на пластинах, характеризуются доминированием угловых (Рис. 4, 2, 4) и боковых (Рис. 4, 9) над срединными, причем последние по раскопкам 1990-х гг. встречаются только в верхней части пачки горизонтов G – горизонты Gb1-Gb2 и Ga. Одновременно кареноидные резцы полностью отсутствуют среди орудий раскопок 1990-х гг. и совершенно единичны среди орудий раскопок 1920-х гг. Скребки примечательны немногочисленностью, но типичностью кареноидных и «с носиком / плечиком» (Рис. 4, 3-8) и также серийностью простых плоских образцов на пластинах (Рис. 4, 1, 5, 7). Среди ретушированных пластин есть только один экземпляр, да и то фрагментированный – проксимальная часть пластины с билатеральной ориньякской ступенчатой ретушью (Рис. 4, 6). Долотовидные орудия, тронкированные изделия и проколки не представлены какими-либо специфическими типами и количественно редки. Кремневые коллекции дополняются изделиями из кости: 5 острий и 45 проколов нижнего слоя раскопок 1920-х гг. и 5 плоских острий и одна проколка с плечиками и длинным жалом горизонтов Gb1-Gb2 и Gc1-Gc2 раскопок 1990-х гг. (Демиденко, Ахметгалеева, в печати). Есть объекты персонального орнамента – подвески из раковин ископаемого морского моллюска *Aporrhais pes-pellicani* (Рис. 4, 10) и из раковин речных моллюсков *Taeodoxus fluviatilis*, *Theodoxus transversalis* и *Lithoglyphus naticoides*, найденные и в нижнем слое 1920-х гг. (Векилова 1957: 300-302), и известные по раскопкам горизонтов Gc1-Gc2, Gb1-Gb2 и Ga 1990-х гг. (Mikhailesku, in preparation). Присутствие подвесок из раковин *Aporrhais pes-pellicani* среди находок ориньяка 0 Сюрени I очень интересно в том плане, что они присутствуют в слое G навеса Рипаро Моши (Лигурия, Италия) с такого же рода комплексом находок ориньяка 0, как и рассматриваемый комплекс из Сюрени I, причем полностью отсутствуют в остальных многочисленных слоях верхнего палеолита этого навеса (Stiner 1999). Таким образом, не только по составу кремневых коллекций, но и по вышеприведенной особенности подвесок из раковин, ориньяк 0 Сюрени I находит прямые аналоги в соответствующих комплексах Европы.

Наконец, нижние культуросодержащие седименты Сюрени I и их находки ориньяка с двумя AMS датами для самого нижнего горизонта H (28200 ± 440 BP, OxA-8249) и самого верхнего горизонта Ga (28450 ± 600 BP, OxA-5154), а также данными по фауне, микрофауне (см.

статьи Марковой, Masse and Patou-Mathis в настоящем издании) и малакофауне (Mikhailesku, in preparation) указывают на их геохронологическую позицию в рамках интерстадиала Арси (около 30000 лет назад) (см. также Чабай, 2004а, с. 27-30), а никак не максимума похолодания Вюрма (около 22-20 тыс. лет назад), как бы этого почему-то не хотелось тем же И.В. Сапожникову (2003, 2005) и М.В. Аниковичу (Аникович и др. 2007), которые определили этот комплекс находок Сюрени I как граветтоидный эпиориньяк, или просто эпиориньяк.

Чулук I (Нижний Дон). Эта стоянка с несохранившимся *in situ* культурным слоем, открытая в 1956 г. И.С. Каменецким и затем исследованная в 1957 – 1961 гг. М.Д. Гвоздовер (Гвоздовер, 1964), представляет индустриально гомогенное собрание кремневых артефактов европейского ориньяка 0 (см. Demidenko 2000-2001). Хранящаяся в фондах Музея Антропологии МГУ коллекция изделий из кремня (874 экз.), представлена следующими базовыми категориями: нуклевидные изделия – 7 экз. / 0,8%; реберчатые / авиважи – 48 экз. / 5,5%; дебитаж – 471 экз. / 53,9% (отщепы – 136 экз., пластины – 156 экз., пластинки – 145 экз., микропластины – 34 экз.); орудия – 100 экз. / 11,4%; резцовые сколы – 27 экз. / 3,1%; отходы производства – 221 экз. / 25,3% (чешуйки – 148 экз., неопределимые сколы – 44 экз., обломки – 11 экз., сильно обожженные кремни – 18 экз.).

С точки зрения технологии первичного расщепления, здесь уверенно можно говорить о генеральной ее направленности на получение пластин и пластинок *sensu lato*. Более того, учитывая сбор переотложенных кремней на современной дневной поверхности, доля пластинок и особенно микропластин, конечно, объективно занижена. Поэтому, даже численно очень небольшое преобладание взятых вместе пластинок и микропластин над пластинами (201 экз. против 194 экз., включая в подсчеты сколы-заготовки орудий), позволяет утверждать, что именно производство пластинок *sensu lato* было первоочередной целью процессов первичного раскалывания кремня на стоянке. В пользу такого заключения свидетельствует и морфология нуклевидных предметов. Они таковы: 1 нуклеус для пластин / пластинок одноплощадочный под-цилиндрический (длина – 4,7 см); 1 нуклеус для пластинок одноплощадочный под-цилиндрический (длина – 3,8 см); 1 специфический нуклеус для пластинок – одноплощадочный подпрямоугольный на фрагменте пластины (длина – 3,0 см) (Рис. 5, 10); 1 «кареноидный» нуклеус для пластинок – одноплощадочный под-цилиндрический (длина – 4,6 см) (Рис. 5, 9); 1 или пре-нуклеус, или нуклеус для отщепов двуплощадочный ортогонально-альтернативный (длина – 6,8 см); 2 неопределимых фрагментированных нуклеуса (длина – 3,3 и 3,9 см). Здесь также нельзя не отметить такие технологически типичные для ориньяка 0 особенности производства пластинок и микропластин – одноплощадочная стратегия расщепления ядрищ и

преобладание среди пластинок и микропластин образцов с прямым / слабо выпуклым профилем и наличие не более чем 35% предметов со скрученным профилем. Наконец, очевидная редкость нуклеидных предметов, их небольшие размеры (всегда меньше 5 см), наличие нуклеуса для пластинок на фрагменте пластины и при этом многочисленность реберчатых сколов и авиважей по отношению к редким нуклеусам свидетельствуют как о не легкой доступности источников кремневого сырья, так и о достаточно интенсивных процессах использования кремневого сырья на стоянке.

Орудийный набор в 100 предметов таков: 33 резца; 7 скребков; 1 тронкированная пластина; 1 выемчатое изделие на фрагменте пластины; 19 сколов с ретушью и 39 «не-геометрических микролитов». Среди резцов, преимущественно изготовленных на пластинах, отчетливо доминируют боковые образцы (25 экз. / 75.8%) (Рис. 5, 1-4), тогда как угловые и срединные изделия представлены равным небольшим числом (по 4 экз. / 12.1%), а кареноидные типы отсутствуют полностью. Такая типологическая структура резцов полностью соответствуют обычному типу резцов европейского ориньяка 0. Скрепки представлены следующими типами: 1 простой плоский скребок, 1 фрагмент рабочего края простого плоского скребка, 1 изделие на поперечно фрагментированном латерально ретушированном отщепе, 1 веерообразный предмет (Рис. 5, 5), 3 небольших подокруглых плоских экземпляра, включая один из них с зубчатым рабочим краем (Рис. 5, 11, 12). Как и среди резцов, кареноидные типы отсутствуют среди скребков, что может, однако, объясняться общей редкостью скребков в инструментарии. Наконец, самыми типологически индикативными и одновременно многочисленными орудиями являются «не-геометрические микролиты». По типам и под-типам эти 39 предметов распределяются следующим образом: 9 пластинок дюфур с альтернативной билатеральной ретушью (5 пластинок и 4 микропластины) (Рис. 5, 6, 7); 1 микропластина дюфур с альтернативной латеральной ретушью; 3 пластинки дюфур с вентральной латеральной ретушью (1 пластинка и 2 микропластины); 5 пластинок дюфур с вентральной билатеральной ретушью (1 пластинка и 4 микропластины) (Рис. 5, 8), 2 острия кремс / фон-ив с дорсальной билатеральной ретушью (1 пластинка и 1 микропластина) (Рис. 5, 13, 14); 8 пластинок псевдо-дюфур с дорсальной латеральной ретушью (4 пластинки и 4 микропластины); 5 пластинок псевдо-дюфур с дорсальной билатеральной ретушью (4 пластинки и 1 микропластина); 1 пластинка с вентральной латеральной микро-выемкой; 1 пластинка с дорсальной полу-крутой ретушью на дистальной части; 2 пластинки с вентральным утончением базальной части без какой-либо ретуши на латеральных краях; и, наконец, только 2 пластинки с тонкой дорсальной притупленной латеральной ретушью. Примечательной характеристикой достаточно значительной части микролитов является вентральное утончение их базальных частей (Рис. 5,

6, 8). Среди них есть не только уже упоминавшиеся выше 2 пластинки с вентральным утончением базальной части без какой-либо ретуши на латеральных краях, но и 9 иных уже латерально ретушированных микролитов с тем же самым вентральным утончением: 2 микропластины дюфур с альтернативной ретушью; 1 микропластина дюфур с вентральной латеральной ретушью; 4 микропластины дюфур с вентральной билатеральной ретушью; 1 микропластина псевдо-дюфур с дорсальной латеральной ретушью; и 1 пластинка псевдо-дюфур с дорсальной билатеральной ретушью. Такая встречаемость вентрального базального утончения (аккомодационный элемент для закрепления микролитов?) на микролитах разного типа и под-типа демонстрирует отсутствие специфической его «типологической зависимости». В целом, отмечается 11 микролитов с таким утончением, что составляет 28,2% всех микролитов, или даже 35,5% от 31 экз. только лишь пластинок дюфур и псевдо-дюфур. Данную особенность вторичной обработки немалого числа микролитов предложено именовать «*mina Чулек I*» (Demidenko 2000-2001, p. 151) и ее серийное наличие важно в том плане, что подобного типа вентральное базальное утончение микролитов известно для некоторых комплексов ориньяка 0 с пластинками дюфур под-типа дюфур Западной Европы (см. например: грот Фумане, слой A3-A1 в регионе Венеции, Италия (Broglia et al. 2005, Fig.9, 30-35, 37, 39). Следовательно, как и в случае с вышеописанными ориньякскими находками Сюрени I, кремневые артефакты Чулека I не только соответствуют общим археологическим критериям ориньяка 0 Европы, но и находят в нем прямые специфические аналогии.

Каменноостская пещера (северо-западный Кавказ). Как археологический объект, пещера была открыта А.А. Щепинским в 1960 г. и исследовалась только в 1961 г. А.А. Формозовым, когда были осуществлены археологические работы на раскопе площадью 24 кв. м под капельной линией пещеры (см. Формозов, 1971; Амирханов, 1986). Под отложениями с находками средневековья, энеолита и неолита был зафиксирован нижний культурный слой мощностью от 1,0 до 1,9 м с верхнепалеолитическими артефактами. Такая мощность «культурного слоя» вполне объясняет ситуацию совместного нахождения численно доминирующих верхнепалеолитических ориньякских и немногочисленных среднепалеолитических микокских кремневых изделий (Demidenko 2000-2001). Более ранние (Формозов, 1971; Амирханов, 1986) и недавние (Голованова, 2000) интерпретации такой археологической гетерогенности данного комплекса находок, как отражающие раннюю стадию верхнего палеолита с отдельными среднепалеолитическими пережиточными элементами, вряд ли стоит в настоящее время всерьез рассматривать еще и с позиций индустриальной несовместимости ориньякских и микокских технико-типологических приемов обработки кремня в рамках одной индустрии. Вместо этого, логично и естественно рассматривать кремневую коллекцию

нижнего слоя Каменноостской пещеры, как представляющую собой совокупность как находок ориньяка 0, так и микока в одной и той же и очень мощной литологической толще (Demidenko 2000-2001, p. 159-160).

Находки здесь, за исключением очень небольшого числа фаунистических остатков (*Bison sp.*, *Capra* или *Ovis*, *Artiodactyla*), представлены только кремневыми артефактами, а изделия из кости и предметы персонального орнамента полностью отсутствуют. А.А. Формозов сообщал об около 1600 кремнях по его раскопкам нижнего слоя пещеры, но в фондах Музея Антропологии МГУ присутствует 1080 кремней. Это может объясняться оставлением части так называемого «бросового кремневого материала» в одном из местных музеев на северо-западном Кавказе, что практиковалось А.А. Формозовым ранее для находок, например, стоянок Староселье и Кабази I в Крыму, часть которых находится в Бахчисарайском музее.

Итак, коллекция в 1080 кремней нижнего слоя Каменноостской пещеры была подразделена на такие базовые категории (Demidenko 2000-2001): нуклеидные изделия – 60 экз. / 5,5%; реберчатые / авиважи – 61 экз. / 5,6%; дебитаж – 759 экз. / 70,3% (отщепы – 581 экз., пластины – 102 экз., пластинки – 70 экз., микропластины – 6 экз.); орудия – 75 экз. / 6,9%; резцовые сколы – 6 экз. / 0,5%; отходы производства – 119 экз. / 11,1% (чешуйки – 69 экз., обломки – 49 экз., сильно обожженные кремни – 1 экз.).

Присутствие в коллекции малого числа пластинок *sensu lato* – 80 пластинок и 7 микропластин, включая заготовки микролитов, а также абсолютный мизер чешуек (69 экз.), при всем возможном, но маловероятном их присутствии в каком-то ином музее, определенно указывают на значительную потерю малого размера артефактов в ходе раскопок 1961 г., когда не использовалось какое-либо даже эпизодическое просеивание культуросодержащих седиментов пещеры. В тоже время достаточно многочисленные нуклеидные предметы, половину из которых составляют пренуклеусы и неопределимые фрагментированные нуклеусы, 65 реберчатых сколов и авиважей, включая сколы-заготовки орудий (54 реберчатых и 11 авиважей), и известный факт нахождения выходов кремневого сырья в непосредственной близости от пещеры четко иллюстрируют интенсивность его первичной обработки поселенцами стоянки в пещере. Одновременно низкие изотропные характеристики кремня объясняют очевидный неэкономичный и нехорошо контролируемый характер первичной кремнеобработки.

Технологические характеристики ориньяка 0 хорошо просматриваются по присутствию 8 нуклеусов для пластин / пластинок (Рис. 6, 1, 2) и 14 нуклеусов для пластинок (7 «регулярных» (Рис. 6, 3, 4), 3 «кареноидных» и 4 неопределимых фрагментированных), при наличии лишь одного нуклеуса для пластин и одного нуклеуса для отщепов / пластинок среди всех 24 определимых по типу снимаемых с них сколов ядрищ. Суммированный

вместе дебитаж и сколы-заготовки орудий (824 предмета) демонстрирует доминирование отщепов (614 экз. / 74,5%), хотя это скорее следствие их пусть и значительной, но технологически вспомогательной роли как при тестировании и декортификации, так и при интенсивном целенаправленном расщеплении некачественного кремня в ходе производства пластин и пластинок. Более того, выразительная количественная представительность и нуклеусов для пластин / пластинок, и собственно пластин в коллекции свидетельствуют в пользу последовательного снятия с нуклеусов сначала пластин, а затем пластинок *sensu lato* с акцентом на производство именно последних, о чем говорит преобладание нуклеусов для пластинок.

Без учета 4 орудий среднепалеолитических типов (Рис. 7, 1, 2, 3) и 2 отбойников / ретушеров на речных гальках, верхнепалеолитический инвентарь составляют не более 69 изделий и это притом, что отдельные сколы с ретушью, зубчатые и выемчатые также могут в действительности относиться к среднепалеолитическому микокскому компоненту. Итак, максимально возможный инструментарий верхнего палеолита по категориям и типам таков: 24 резца (34,8%); 12 скребков (17,4%); 3 тронкированных скола (4,3%); 8 «вентральных тронкированных изделий» (11,6%); 1 долотовидное орудие (1,4%); 2 зубчатых / выемчатых орудия (2,9%); 8 сколов с ретушью (11,6%) и 11 «не-геометрических микролитов» (16,0%). По 26 определимым рабочим краям, резцы типологически характеризуются преобладанием боковых – 30,8% (Рис. 6, 5, 6, 7) и угловых – 34,6% (Рис. 6, 8) типов – 65,4% суммарно. В тоже время, присутствуют и срединные (19,2%) (Рис. 6, 9, 10) и, что особо примечательно, кареноидные (15,4%) (Рис. 8, 1, 2) типы. Подавляющее большинство резцов изготовлено на пластинах. Скребки распределяются на следующие типы: 3 простых плоских скребка на пластинах (Рис. 6, 11, 12); 1 простой плоский атипичный скребок на отщепе; 1 скребок на латеральной ретушированном отщепе (Рис. 6, 13); 3 небольших подокруглых плоских экземпляра на отщепах (Рис. 7, 8), в том числе два из них с зубчатым рабочим краем (Рис. 7, 9); 2 кареноидных скребка на обломках (Рис. 7, 4, 7); и индикативные 2 плоских скребка «с носиком» (Рис. 6, 14). Таким образом, ориньякские скребки, представленные последними двумя типами изделий, составляют третью часть всех скребков. В свою очередь, «не-геометрические микролиты» представлены следующими типами и под-типами: 2 пластинки дюфур с альтернативной билатеральной ретушью (Рис. 7, 5); 1 пластинка дюфур с альтернативной билатеральной ретушью и дополнительной вентральной ретушью на дистальной части (Рис. 7, 11); 1 пластинка дюфур с вентральной латеральной ретушью (Рис. 7, 13); 1 острое кремс / фон-ив с дорсальной билатеральной ретушью (Рис. 7, 6); 4 пластинки псевдо-дюфур с дорсальной латеральной ретушью (3 пластинки и 1 микропластина); 1 пластинка псевдо-дюфур с

дорсальной билатеральной ретушью (Рис. 7, 12); 1 пластинка с дорсальной ретушью на дистальной части. Ретушь на микролитах преимущественно плоская / полу-крутая микро-чешуйчатая частичная (Рис. 7, 11, 12, 13), хотя есть и отдельные типичные образцы с регулярной микро-чешуйчатой ретушью – пластинка дюфур с альтернативной билатеральной ретушью и острое кремс / фон-ив с дорсальной билатеральной ретушью (Рис. 7, 5, 6).

Таким образом, представленный выше базовый типаж резцов, скребков и микролитов характеризуется вполне определенными типологическими характеристиками ориньяка 0. Хотя остальные категории орудий не являются индикативными

при определении индустриальных особенностей инструментария (например, тронкированные сколы, долотовидное орудие (Рис. 7, 10), сколы с ретушью), особого внимания заслуживают т.н. «вентральные тронкированные изделия», впервые выделенные в анализируемой коллекции автором настоящей статьи в 2001 г. Данные 8 предметов характеризуются вентральной полу-крутой вторичной обработкой на проксимальных или дистальных частях. Более того, 4 из них определяются как изделия начальной степени обработки с частичной вторичной обработкой (Рис. 8, 4). Другие же 4 изделия характеризуются регулярной или чешуйчатой (Рис. 8, 3), или ламеллярной ретушью (Рис. 8, 5, 6). Изготовлены эти орудия на 6 отщепах,

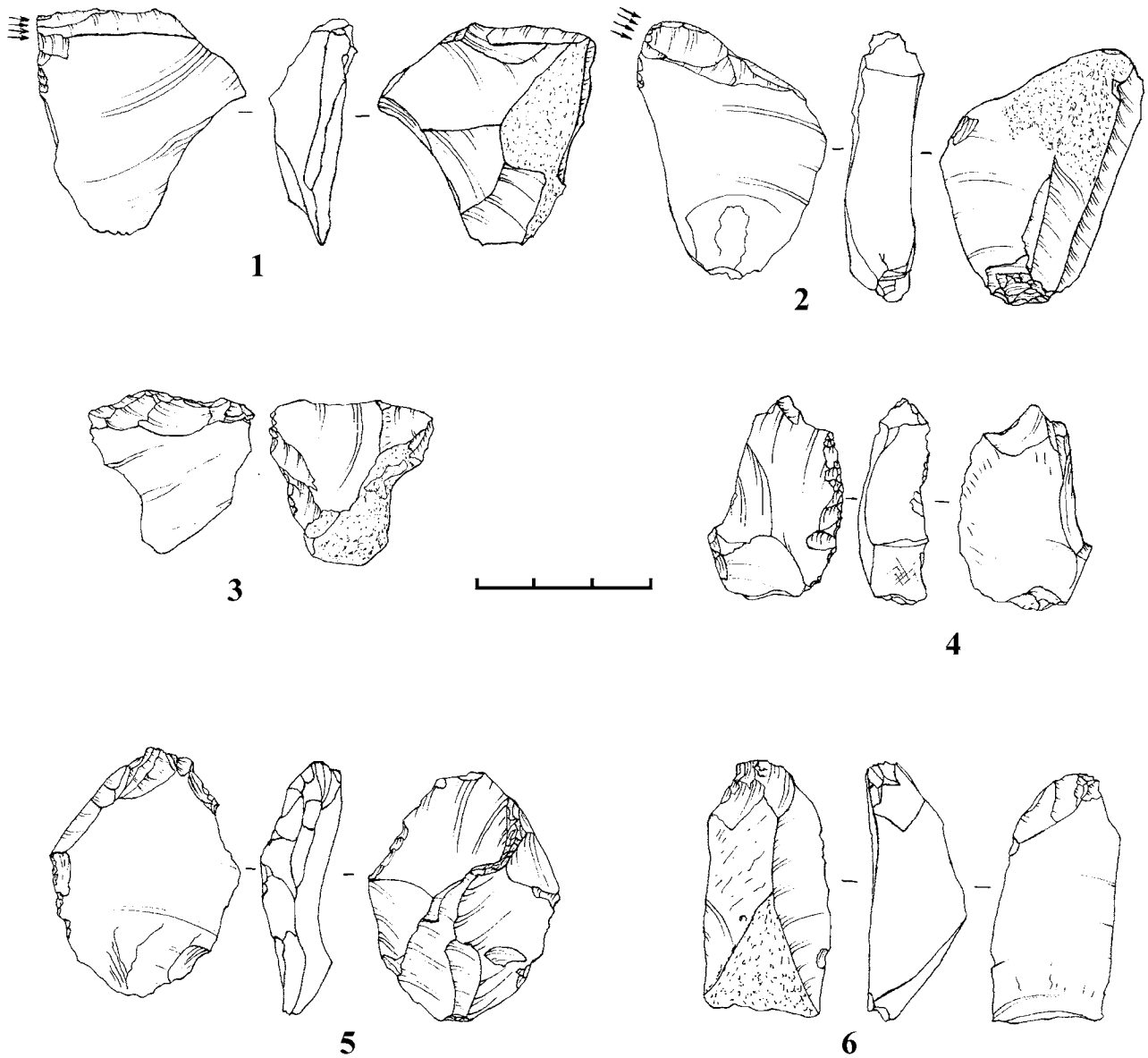

Рис. 8. Каменноостская пещера, нижний слой. Артефакты из раскопок 1961 г. 1-2 – кареноидные резцы, 3-6 – вентральные тронкированные изделия / латеральные кареноидные изделия.

1 пластине и 1 авиваже. По длине – это небольшие изделия от 2,5 до 4,2 см, со средним показателем в 3,4 см. По типологическим критериям, эти «вентральные тронкированные изделия» находятся как бы между резцами / скребками и тронкированными сколами с вентральной обработкой. Не принимая во внимание ранее предложенные типологические сравнения для этих специфических изделий Каменноостской пещеры в рамках или раннего мадлена Франции, или эпириньяка Моравии (см. Demidenko 2000-2001), в настоящее время именно в индустриальном контексте ориньяка есть возможность установить им реальные аналоги. По характеристикам и размещению ретуши на сколах-заготовках, «вентральные тронкированные изделия» Каменноостской пещеры аналогичны латеральным кареноидным изделиям ориньяка Леванта (Demidenko, *in press*). Эти изделия хорошо известны в ориньяке *sensu lato* Леванта с самого его начала около 33-30 тыс. лет назад (например, навес Кзар Акил, слой X в Ливане) до самых его поздних индустриальных проявлений (например, стоянка Эйн Акев на юге Израиля). При всех ревизиях индустриальных составляющих и статуса различных комплексов ориньяка Леванта (см. Belfer-Cohen and Bar-Yosef 1999; Bar-Yosef 2000; 2006; Marks 2003; Goring-Morris and Belfer-Cohen 2006; Williams 2006), латеральные кареноидные изделия занимают одно из центральных мест в продолжающихся дискуссиях по технико-типологическим особенностям ориньяка. Поэтому наличие таких серийных изделий в ориньякском комплексе Каменноостской пещеры заслуживает пристального внимания и, в отличие от рассмотренных выше ориньякских комплексов Сюрени I и Чулека I, указывают на ближневосточные направления связей этого памятника северо-западного Кавказа.

Широкий Мыс (северо-западный Кавказ). Эта стоянка с доминирующими находками кремневых изделий на современной дневной поверхности на одном из мысов побережья Черного моря в 15 км на северо-запад от г. Туапсе была открыта в 1960-х гг. В.Е. Щелинским (1971) и до сих пор изучается им. Совсем недавно В.Е. Щелинский (2007, с. 19-46, рис. 1-37) опубликовал достаточно детальную информацию о стоянке и её артефактах. Автор настоящей статьи в 2002 г. с любезного разрешения В.Е. Щелинского ознакомился с коллекцией кремней Широкого Мыса и подробно изучил микролиты стоянки. Исходя из этого, ниже целесообразно привести лишь краткое резюме по верхнепалеолитической части кремневых находок стоянки.

Итак, верхнепалеолитический компонент Широкого Мыса представлен очень большей коллекцией: около 30 тыс. кремней. Различного типа кремни были использованы в процессах кремнеобработки на стоянке. Большая часть типов кремней происходит из различных месторождений в радиусе не более 10 км от стоянки, но часть серых кремней так называемых «холодных расцветок» и особенно красноватые кремни «теплых расцветок» относятся к удаленным месторождениям – до 100 км и

даже 200 км от стоянки. Одновременно и количественный, и структурный по категориям артефактов состав коллекции вполне очевидно указывают как на интенсивные процессы первичной и вторичной кремнеобработки на стоянке, так и на многократный характер посещений и проживания людей верхнего палеолита на Широком Мысу. При этом индустриальная гомогенность верхнепалеолитических находок стоянки не вызывает сомнений, так как кроме базовых технико-типологических характеристик ориньяка 0, каких бы то ни было иных индустриальных проявлений верхнего палеолита здесь нет.

Нуклеидные изделия представлены около 1200 экз. и среди них много пренуклеусов и фрагментированных ядрищ. Морфологически выраженные нуклеусы характеризуются доминированием одноплощадочных предметов для снятия пластинок, включая серийные кареноидные под-пирамидальные и под-цилиндрические типы (Рис. 9, 1-6), а также подобные им, но со снятием пластин / пластинок (Рис. 9, 7-8). С другой стороны, нуклеусы для пластин и для отщепов намного менее репрезентативны, а настоящие двуплощадочные бипродольные ядрища вообще единичны, что очень типично для любой ориньякской коллекции. При этом есть отдельные двуплощадочные нуклеусы, но это так называемые двойные одноплощадочные образцы – различные ортогональные, смежные и альтернативные формы с двумя поверхностями расщепления. В дебитаже хорошо представлены и пластины (более чем 5000 экз.), пластинки *sensu lato* (более чем 2000 экз.), считая здесь и сколы-заготовки орудий. Помня о сборе основной части кремней на современной дневной поверхности, понятно, что пластинки и микропластины представлены меньшим числом, чем это могло бы быть при их извлечении из *in situ* культурного слоя. В тоже время, их реальная роль в коллекции хорошо просматривается при анализе количественной репрезентативности верхнепалеолитических индикативных классов орудий. Здесь около 550 скребков, 261 резец, 671 ретушированная пластина, включая предметы с маргинальной и/или нерегулярной ретушью, 33 тронкированных пластины, 19 долотовидных орудий и, наконец, 801 микролит. Основной типаж этих орудий может быть представлен следующим образом. Скребки, в основном, представлены простыми плоскими образцами на пластинах – до 470 экз. При этом около 100 таких простых скребков изготовлено на пластинах без какой-либо латеральной ретуши на них (Рис. 10, 1), тогда как многие другие плоские скребки характеризуются латеральной и/или билатеральной ретушью, которая типологически переводит их в типы веерообразных и даже с ориньякской ступенчатой ретушью (Рис. 10, 2, 3, 4). Ориньякские кареноидные и высокие «с плечиком / носиком» скребки насчитывают вместе около 60-70 экз. и они изготовлены или на отщепах, или на обломках (Рис. 9, 9-13). Резцы, как и основная часть скребков, также преимущественно произведены на пластинах. Типологически, среди них доминируют угловые

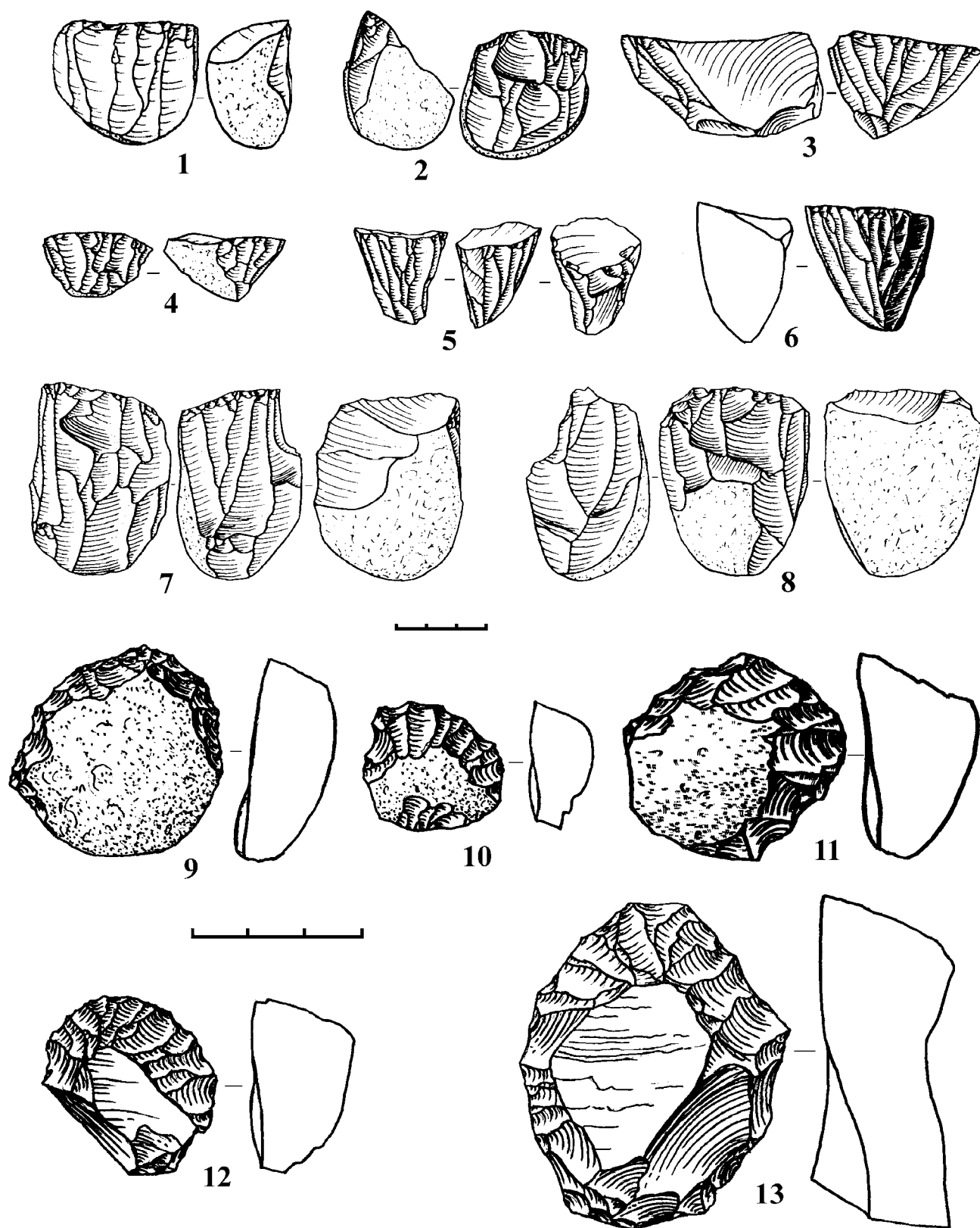

Рис. 9. Широкий Мыс. Артефакты исследований 1960-1990-х гг. 1-6 – «кареноидные» нуклеусы для пластинок, 7-8 – нуклеусы для пластин / пластинок, 9-13 – кареноидные скребки. 1-13 адаптировано по В.Е. Щелинскому (2007).

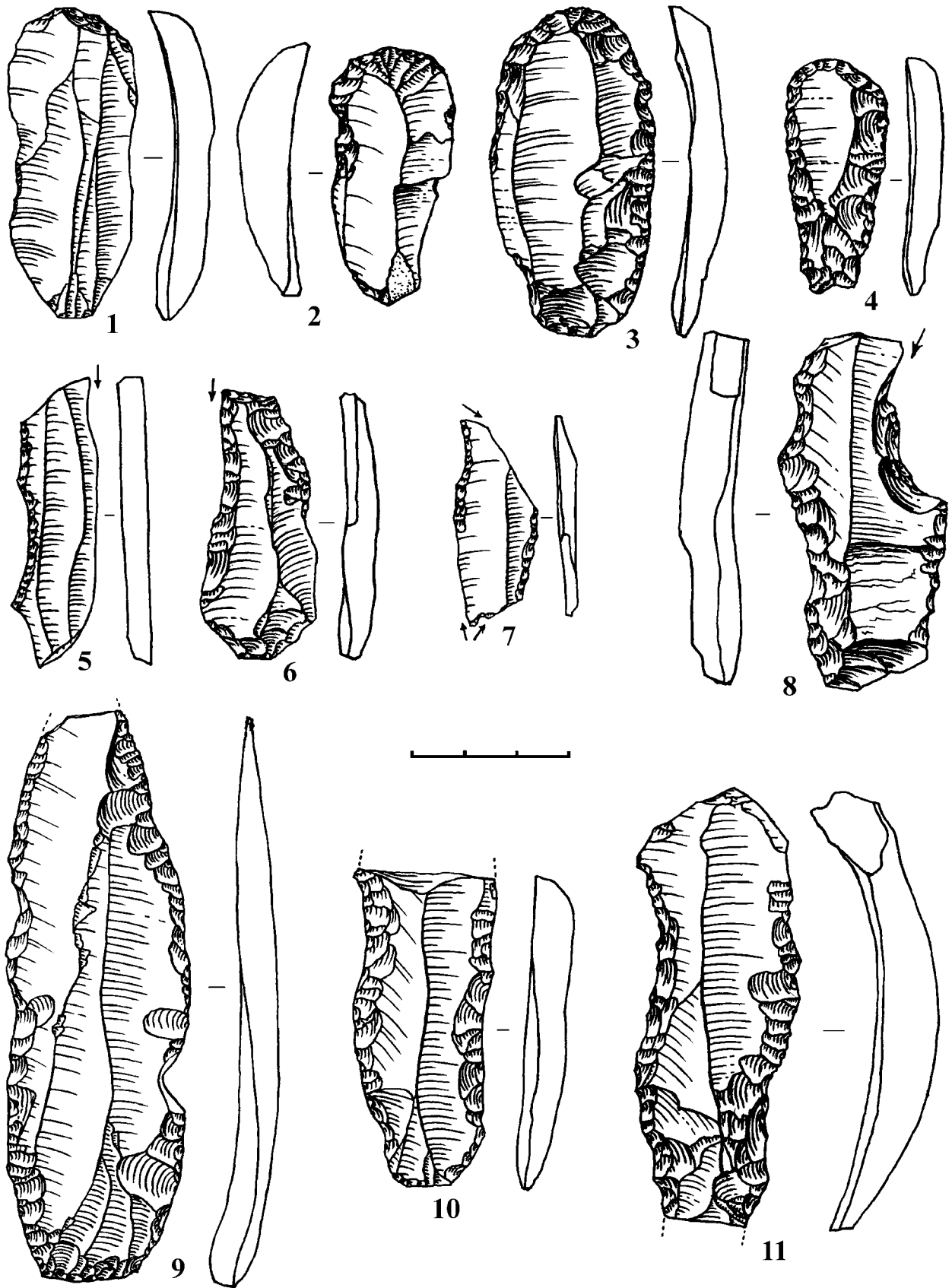

Рис. 10. Широкий Мыс. Артефакты исследований 1960-1990-х гг. 1 – простой плоский скребок, 2-4 – скребки на различно ретушированных пластинах, 5 – угловой резец, 6 – боковой резец, 7 – двойной смешанных типов резец, 8 – угловой резец на ориньякской пластине «с перехватом», 9 – ретушированная пластина, 10, 11 – ориньякские пластины «с перехватом». 1-11 адаптировано по В.Е. Щелинскому (2007)..

изделия (около половины всех резцов) (Рис. 10, 5), затем примерно в два раза менее представительны боковые изделия (Рис. 10, 6), а вот срединные предметы составляют всего чуть более 10% всех резцов. Эти ориентировочные показатели типов резцов определяются с учетом рабочих участков различных двойных и смешанных типов изделий (Рис. 10, 7). Вместе с тем особо заслуживает внимание полное отсутствие кареноидных резцов и примечательная встречаемость отдельных резцов на пластинах с ориньякской ретушью (Рис. 10, 8). Нельзя не признать, что такой типаж численно очень репрезентативных и скребков, и резцов полностью соответствует таковому для ориньяка 0. Рассматривая пластины с ретушью по так называемым базовым типологическим критериям, следует отметить присутствие среди них не менее чем трети изделий с маргинальной и/или нерегулярной ретушью, что переводит их в категорию «сколов с ретушью» и отделяет от пластин с регулярной и хорошо выполненной ретушью. Соответственно, последние составляют коллекцию пусть и меньшего числа, но все еще очень серьезной выборки: около 350-400 экз. Кроме преобладающих среди них изделий с чешуйчатой и подпараллельной латеральной и/или билатеральной ретушью (Рис. 10, 9), важно отметить суммарную серию в 40-50 предметов с различного типа ориньякской ретушью. Данные ориньякские пластины составляют преимущественно изделия с простой билатеральной ступенчатой ретушью, но есть также и сильно редуцированные образцы с латеральными / билатеральными выемками – ориньякские пластины «с перехватом» (Рис. 10, 10, 11). Оставляя в стороне анализ индустриально не самых индикативных артефактов, как тронкированные пластины и долотовидные орудия, помня лишь об их присутствии, переходим к многочисленным «не-геометрическим микролитам», безусловно заслуживающим особого внимания. По подсчетам автора настоящей статьи, когда из числа микролитов были исключены отдельные изделия с нерегулярной и/или прерывистой ретушью и изделия поздних эпох (например, неолитическая трапеция «со струганной спинкой» - Щелинский 2007, Рис. 24: 39), коллекция «не-геометрических микролитов» состоит из не менее чем 697 экз. По самым базовым типологическим критериям они подразделяются на следующие типы без дифференциации на тип заготовок (пластинки или микропластины):

- пластинки дюфур с альтернативной билатеральной ретушью – 93 экз. / 13,3% (Рис. 11, 34-40);

- пластинки дюфур с вентральной латеральной ретушью – 11 экз. / 1,6%;

- пластинки псевдо-дюфур с дорсальной латеральной ретушью – 113 экз. / 16,2%;

- пластинки псевдо-дюфур с дорсальной билатеральной ретушью – 416 экз. / 59,7% (Рис. 11, 10-33);

- острия кремс / фон-ив с альтернативной билатеральной ретушью – 4 экз. / 0,6%;

- острия кремс / фон-ив с дорсальной билатеральной

ретушью – 57 экз. / 8,2% (Рис. 11, 1-9);

- пластинки с тонким притупленным краем – 3 экз. / 0,4%.

Приведенный список и численная репрезентативность типажа микролитов очень специфичны подавляющим преобладанием суммируемых вместе пластинок псевдо-дюфур с дорсальной ретушью (75,9%), не забывая также еще и о достаточно высокой доле опять-таки дорсально ретушированных острий кремс / фон-ив (8,2%). В тоже время, такие типичные для ориньяка альтернативно и вентрально ретушированные пластинки дюфур и единичные альтернативные билатеральные острия кремс / фон-ив занимают отчетливо подчиненное положение – все вместе лишь 15,5%. Отсюда ясно, что по структуре микролитов Широкий Мыс отличается от соответствующих данных по микролитам проанализированных выше трех других стоянок ориньяка 0 Большого Северного Причерноморья, которые характеризуются или абсолютным доминированием альтернативных и вентральных ориньякского типа микролитов в диапазоне 71,4 и 81,3% для различных горизонтов пачки горизонтов Н и G Сюрени I раскопок 1990-х гг., или их более-менее значительной представительностью – 33,3% среди микролитов Чулека I и 36,4% среди микролитов Каменноостской пещеры. Чем же можно объяснить такую специфику «не-геометрических микролитов» Широкого Мыса и это притом, что характерные черты ретуши на них все те же ориньякские – ретушь или тонкая маргинальная, или полу-крутая? Можно предложить два объяснения такому доминированию дорсально ретушированных микролитов. С одной стороны, значительное их количество имеют четкие макроследы метательного износа (Рис. 11, 10-15). Соответственно, возможно говорить о некотором своеобразии жизнедеятельности людей на стоянке с целенаправленным использованием именно этих типов микролитов. С другой стороны, многие из типологически определенных псевдо-дюфур пластинок характеризуются примечательной ретушной латеральной обработкой, так называемой Учтата тонкой дорсальной ретушью (Рис. 11, 16-25), когда ретушь хорошо выражена в проксимальной части микролита, но истончается и почти «сходит на нет» в дистальной части микролита (см. Tixier 1974, p. 21, Fig. 9, 5-6; Marks 1976, p. 377). Такая тонкость Учтата ретуши может объясняться ее происхождением в результате использования абразива при ее нанесении, когда применяемая изготовителем сила нажима абразивом на латеральный край пластинки больше в начале (в его проксимальной части) и уменьшается в конце края микролита (в его дистальной части) при ее ослаблении.

Присутствие данного типа довольно специфической ретуши и общее преобладание дорсально ретушированных микролитов в орудийном наборе Широкого Мыса, возможно, указывает, как и в случае с артефактами Каменноостской пещеры, на ближневосточные связи и этого памятника ориньяка 0

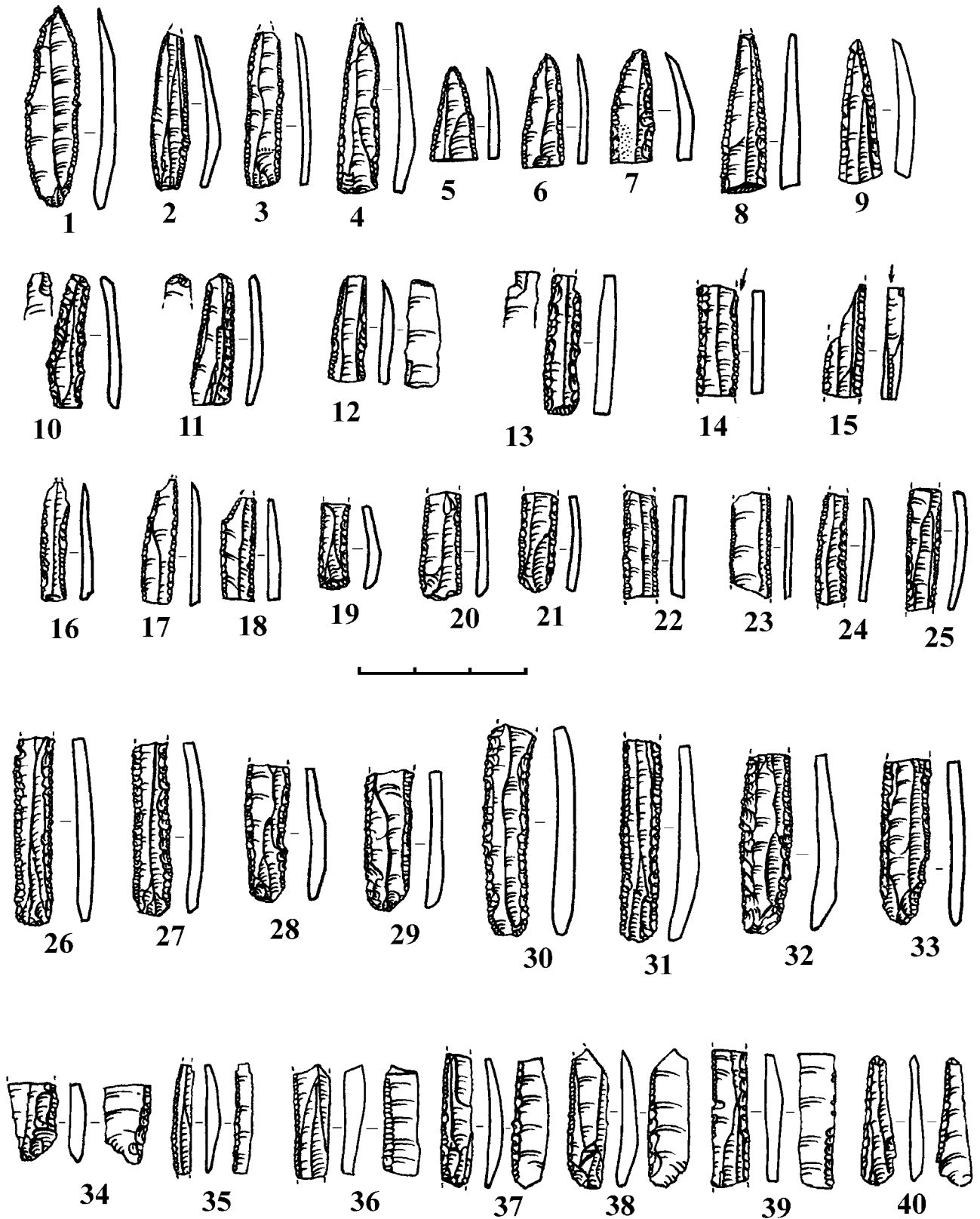

Рис. 11. Широкий Мыс. Артефакты исследований 1960-1990-х гг. 1-9 – остряки кремня / фон-ив с дорсальной билатеральной ретушью, 10-33 – пластинки псевдо-дюфур с доральной билатеральной ретушью, 34-40 – пластинки дюфур с альтернативной билатеральной ретушью. 1-40 – адаптировано по В.Е. Щелинскому (2007).

северо-западного Кавказа. Дело в том, что Учтата ретушь хорошо известна в комплексах ахмариана и особенно позднего ахмариана в Леванте, хотя она присутствует и среди микролитов ряда комплексов и ориньяка Леванта. Более того, подчиненное положение пластинок дюфур с альтернативной билатеральной ретушью и серийное, количественно значительное присутствие острий кремс / фон-ив / эль-вад является вообще отличительной характеристикой Левантийского раннего ориньяка. При этом все тот же комплекс находок слоя X навеса Кзар Акил (Bergman 1981; 1987; 2003) очень близок по всем основным технико-типологическим параметрам кремням Широкого Мыса, за исключением только отсутствия среди последних латеральных кареноидных изделий.

Таким образом, рассмотренные выше четыре комплекса находок ориньяка Большого Северного Причерноморья, находясь по основным технико-типологическим показателям в рамках ориньяка 0, подразделяются на две группы по ряду специфических черт отдельных категорий и типов артефактов. Одна группа комплексов из Сюрени I и Чулека I имеет прямые аналогии на Западе – в европейском ориньяке 0. Другая группа комплексов из Каменноостской пещеры и Широкого Мыса находит, по крайней мере, отчетливые параллели на юге – в левантийском раннем ориньяке.

Интересен и важен хронологический аспект ориньяка 0 Большого Северного Причерноморья. Из выделенных здесь четырех комплексов, только один из Сюрени I имеет геохронологические определения, и они указывают на возраст не ранее интерстадиала арси – около 30000 лет назад. Такая геохронология ориньяка 0 Сюрени I является довольно поздней для европейского ориньяка 0, датирующегося около 38/36-34/32 тыс. лет назад. Более того, если предложенные в настоящей статье типологические сравнения комплексов находок нижнего слоя Каменноостской пещеры и слоя X Кзар Акил корректны, то тогда, принимая во внимание также не ранние даты анализируемого слоя стоянки Ливана в около 33-30 тыс. лет назад (Mellars and Tixier 1989, Tabl. 1; Bergman 2003, p. 191), ориньяк 0 Каменноостской пещеры может также иметь позднюю хронологическую позицию в рамках ориньяка 0. Поэтому в настоящее время есть прямые (Сюрень I) и косвенные (Каменноостская пещера) указания на общую достаточно позднюю геохронологию всего ориньяка 0 в Большом Северном Причерноморье. При этом предполагаемый возраст в около 33-30 тыс. лет назад может быть справедлив как для связанных с Европейскими материалами комплексов (Сюрень I и Чулек I), так и имеющих параллели с ближневосточными материалами (Каменноостская пещера и Широкий Мыс). Соответственно, южные территории Восточной Европы могут представлять собой хронологически самый поздний регион появления комплексов ориньяка 0 / архаичного ориньяка в Западной Евразии.

Развитый ориньяк

Эта группа ориньякских комплексов выделяется по артефактам средней части культуросодержащих седиментов Сюрени I, нижнего верхнепалеолитического слоя Губского навеса I и отдельным находкам Монашеской пещеры.

Сюрень I (Крым). Комплексы находок среднего слоя раскопок 1920-х гг. / пачка горизонтов F раскопок 1990-х гг. (4 археологических горизонта с рядом подгоризонтов), как и стратиграфически нижезалегающие комплексы находок ориньяка 0 этого навеса, являются опять-таки базовыми в интерпретации развитого ориньяка юга Восточной Европы (Демиденко, 2002). Базис анализа этой индустрии составляют коллекции кремневых артефактов раскопок около 95 кв. м среднего слоя 1920-х гг. – около 5632 находок (включая 51 нуклеидное изделие и 189 орудий) и раскопок 12 кв. м пачки горизонтов F 1990-х гг. – 7575 находок (из них 23 нуклеидных изделий и 182 орудия). Суммарно по раскопкам XX века это немногим более 13000 артефактов с площади в почти 110 кв. м. Технологические процессы первичного расщепления кремня были преимущественно ориентированы на массовое производство микропластин (в дебитаже, включая заготовки орудий и авиважи / реберчатые, – 50,3% для горизонта Fb1-Fb2 и 45,7% в целом для пачки горизонтов F раскопок 1990-х гг.) с характерным скрученным профилем и зачастую асимметричных и даже угловатых в плане, получаемых как при расщеплении «регулярных» и ориньякских «кареноидных» нуклеусов для пластинок (Рис. 13, 1-8), так и при вторичной обработке ориньякских кареноидных орудий – как скребков, так уже и резцов (Рис. 14, 1-6, 8, 10). Количество пластинок (продуктов практически только нуклеусного раскалывания) примерно в 3 раза уступает числу микропластин, а пластины вообще находятся в подчиненном положении – их почти в 3 раза меньше чем пластинок и почти в 9 раз меньше чем микропластин в горизонте Fb1-Fb2. Взаимосвязь технологии и типологии отчетливо видна по составу инструментальных наборов. «Не-геометрические микролиты» (47,4% орудий горизонта Fb1-Fb2 и 42,3% орудий всей пачки горизонтов F) представлены почти исключительно микропластинами с маргинальной ретушью специфической абразивной обработки, среди которых ведущее положение занимают как ориньякские типы пластинок дюфур под-типа рок де комб с вентральной (34,7% и 33,8% для микролитов горизонта Fb1-Fb2 и всей пачки F, соответственно) и альтернативной (11,1% и 11,7% для микролитов горизонта Fb1-Fb2 и всей пачки F, соответственно) ретушью (Рис. 12, 1-19), так и морфологически им близкие типы пластинок псевдо-дюфур с дорсальной латеральной и билатеральной ретушью (вместе 43,0% и 42,8% для «микролитов» горизонта Fb1-Fb2 и всей пачки F, соответственно) (Рис. 12, 20-32). Очень показательным является полное отсутствие среди микролитов каких-либо острий кремс / фон-ив. Общий ориньякский набор орудий дополняется кареноидными и плоскими

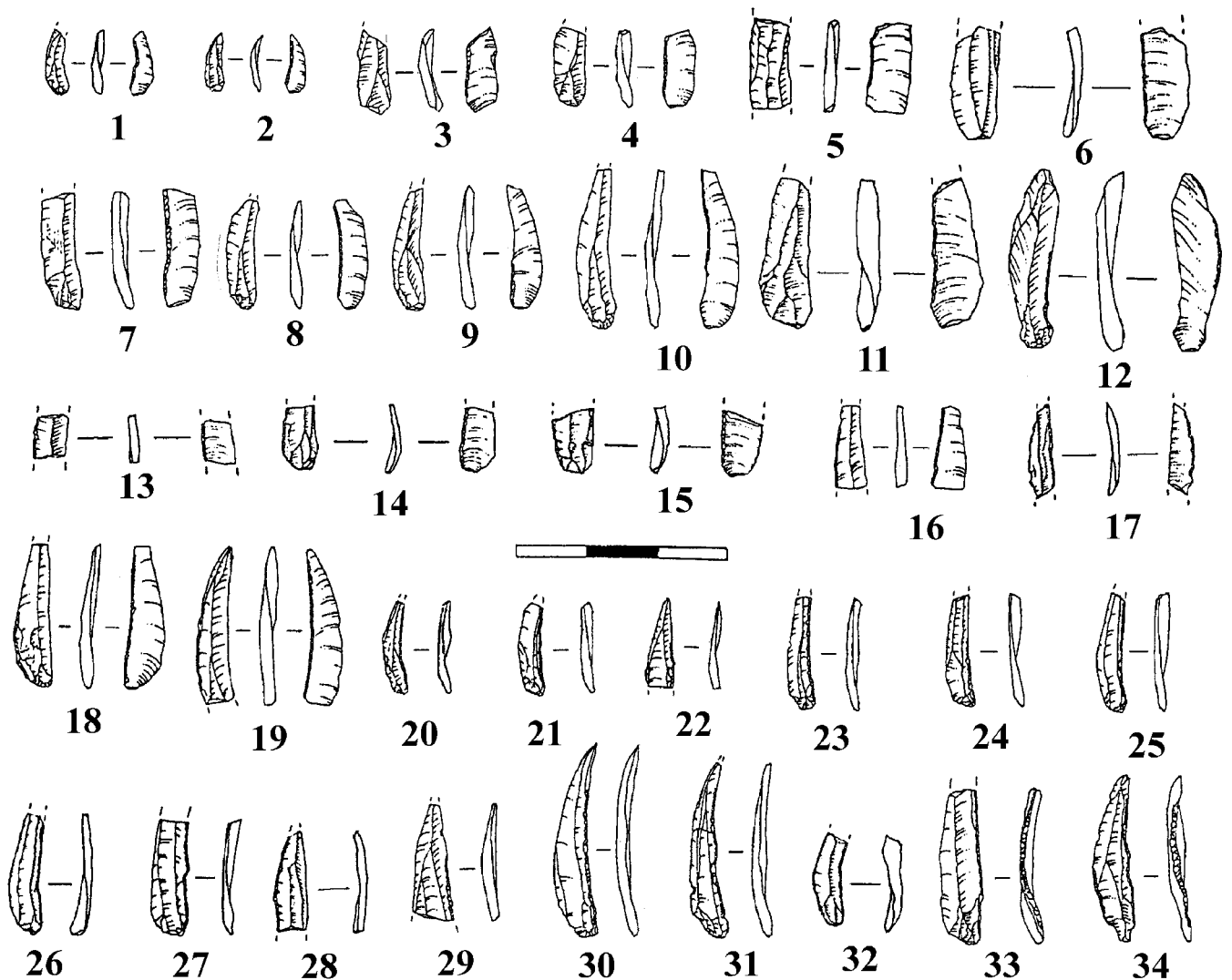

Рис. 12. Сюрень I. Артефакты развитого ориньяка из раскопок 1990-х гг. 1-34 – «не-геометрические микролиты». 1-11, 13-26, 28-34 – горизонт Fb1-Fb2; 12 – горизонт Fa1-Fa2; 27 – горизонт Fa3.

/ высокими скребками «с плечиком» (Рис. 14, 1-3, 7-9) (30% всех скребков пачки горизонтов F) и кареноидными резцами (Рис. 14, 4, 5, 6), включая типа бюске (Рис. 14, 10) и специфические торцовые нуклеусы для пластинок / «кареноидные резцы» (Рис. 13, 6, 7, 8) (28% всех определяемых резцовых кромок пачки горизонтов F). Что касается общей структуры индикативных верхнепалеолитических типов орудий, то отметим приблизительно равную представительность скребков и резцов, отчетливое доминирование среди последних срединного (Рис. 15, 5-9) и кареноидного типов над боковыми (Рис. 15, 11, 12) и угловыми (Рис. 15, 10) типами, серийность простых плоских скребков (Рис. 15, 1-4), присутствие отдельных проколов и тронкированных изделий, а также отсутствие долотовидных орудий и ретушированных пластин. Кремневые артефакты сопровождаются еще изделиями из кости – 3 острия и одна проколка среднего слоя раскопок 1920-х гг. (Векилова, 1957, с. 301) и 2 округлых в сечении острия и 2 предмета дебитажа / отходы производства изделий из кости горизонтов Fb1-Fb2

и Fa1-Fa2 раскопок 1990-х гг., а также рядом предметов персонального орнамента – подвески из раковин речных моллюсков *Theodoxus fluviatilis*, *Theodoxus transversalis* и *Lithoglyphus naticoides* и подвеска из клыка песка с отверстием в корне из горизонта Fb1-Fb2 (Mikhailesku, *in preparation*; Демиденко, Ахметгалеева, *в печати*).

С точки зрения геохронологии, данный ориньякский комплекс Сюрени I с одной AMS датой для горизонта Fb1-Fb2 в 29950 ± 700 лет назад (OxA-5155) отложился в интерстадиальном периоде умеренного климата преобладающих лесостепных ландшафтов по фаунистическим, микро- и малако-фаунистическим данным (Lopez Bayon 1998; Markova, *in preparation*; Mikhailesku, *in preparation*) датируется временем или финала интерстадиала арси (около 30000 лет назад), или, что более вероятно, интерстадиала мезьер (около 29300-28000 лет назад).

Все вышеприведенные и археологические, и хронологические сведения по данному комплексу ориньяка Сюрени I абсолютно сближают его с ориньяком II – III

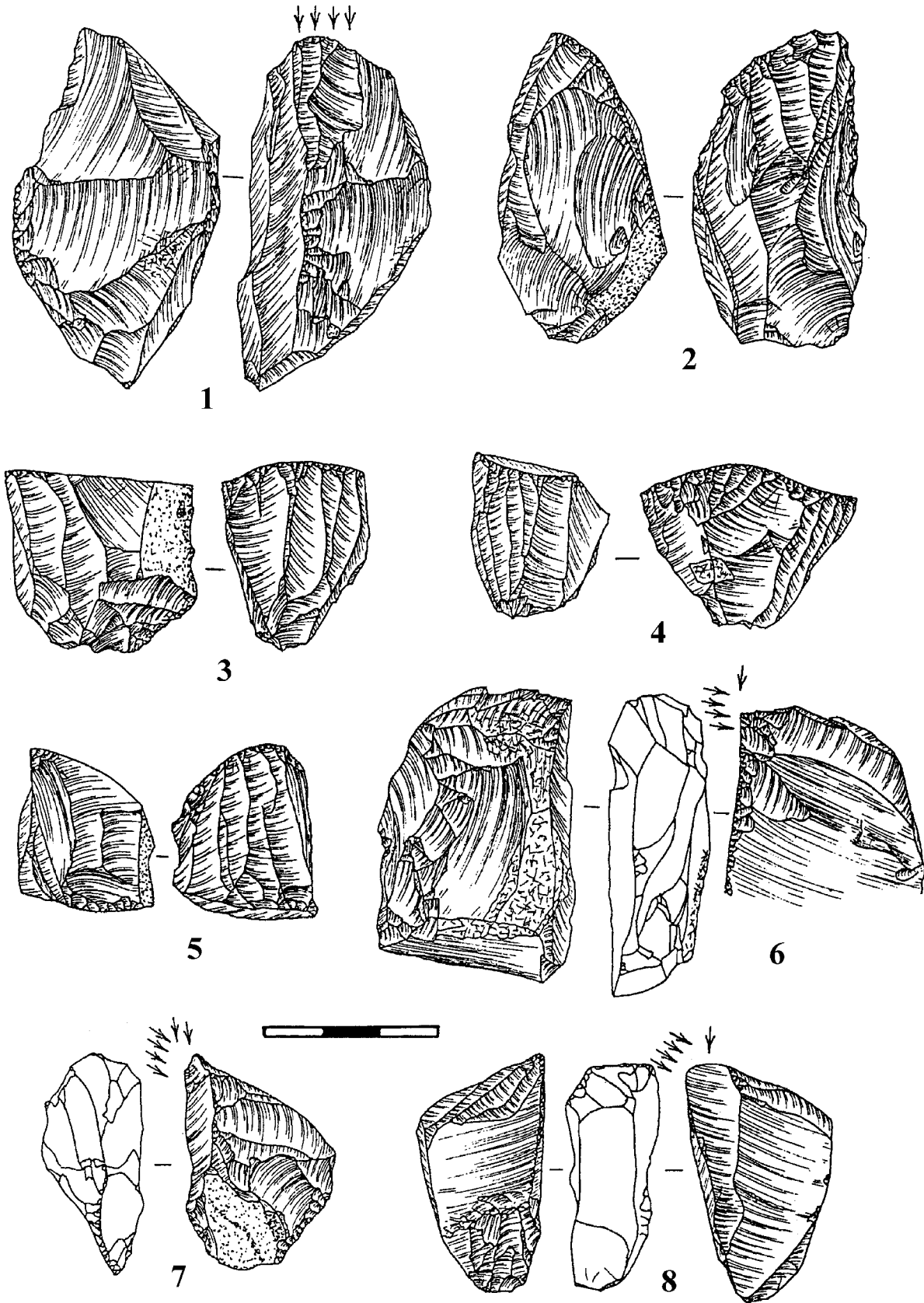

Рис. 13. Сюрень I. Артефакты развитого ориньяка из раскопок 1990-х гг. 1 – пренуклеус для пластинок / «кареноидный резец», 2-5 – «кареноидные» нуклеусы для пластинок, 6, 7, 8 – нуклеусы торцовые для пластинок / «кареноидные резцы». 1, 2 – горизонт Fa3; 3-8 – горизонт Fb1-Fb2.

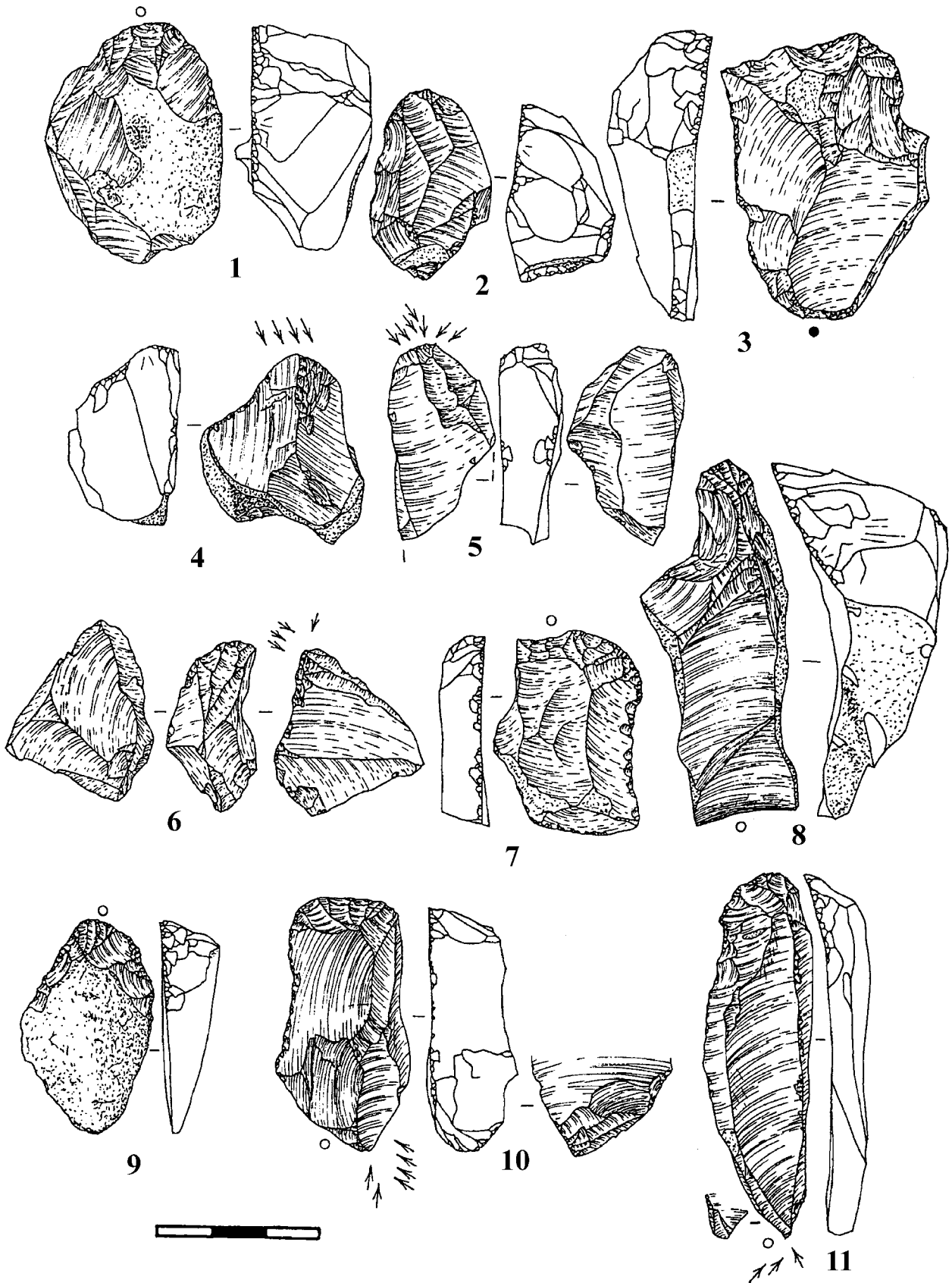

Рис. 14. Сюрень I. Артефакты развитого ориньяка из раскопок 1990-х гг. 1, 2 – кареноидные скребки, 3, 8 – высокие скребки «с плечиком», 4, 5, 6 – кареноидные резцы, 7, 9 – плоские скребки «с плечиком», 10 – простой плоский скребок / кареноидный типа бюске резец, 11 – простой плоский скребок / срединный асимметричный резец. 1, 2, 4, 8-11 – горизонт Fb1-Fb2; 3, 6, 7 – горизонт Fa1-Fa2; 5 – горизонт Fa3.

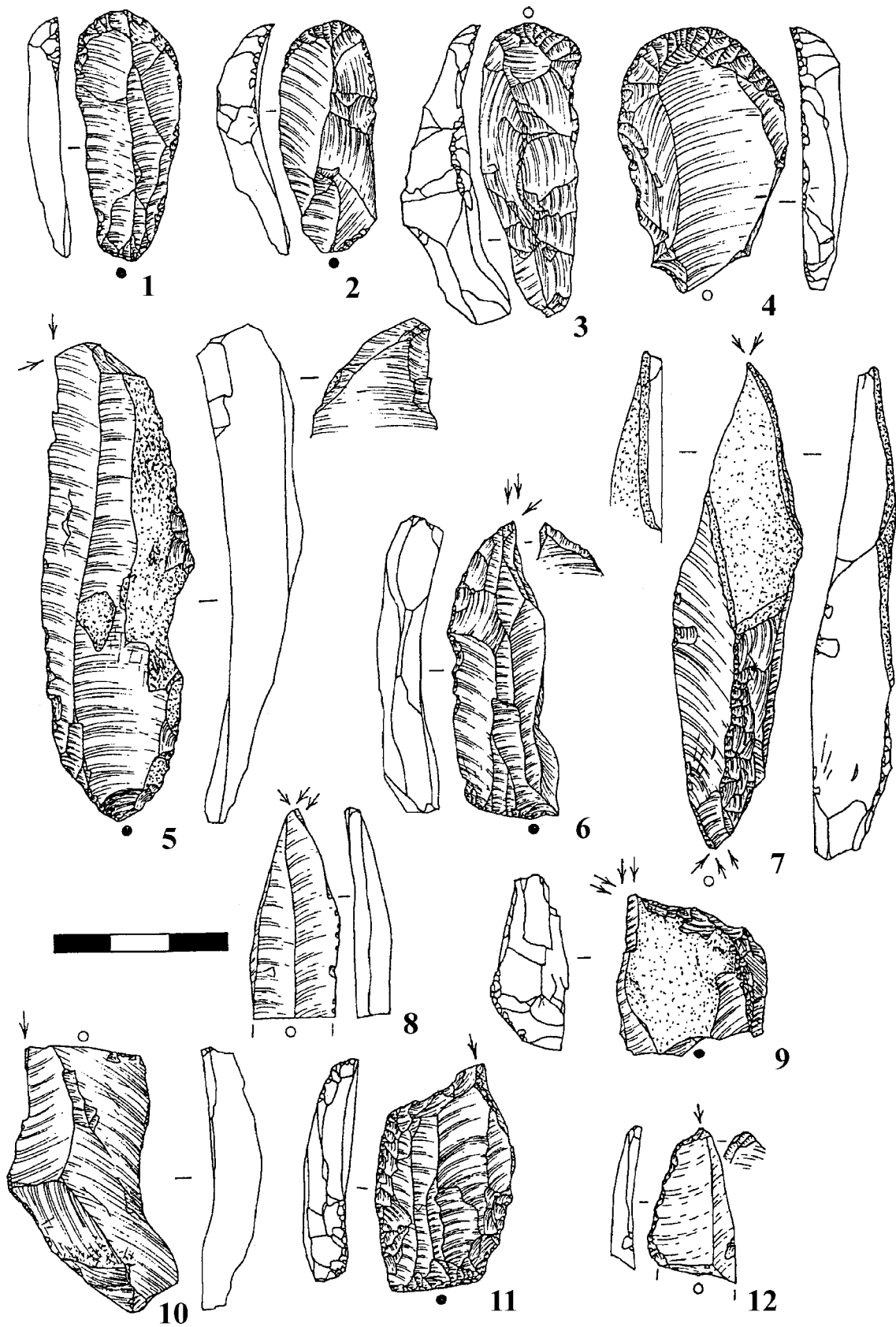

Рис. 15. Сюрень I. Артефакты развитого ориньяка из раскопок 1990-х гг. 1-4 – простые плоские скребки, 5, 6 – срединные асимметричные резцы, 7 – двойной срединный симметричный резец, 8 – срединный симметричный резец, 9 – срединный угловой резец, 10 – угловой резец, 11, 12 – боковые резцы. 1-7, 9, 10, 11 – горизонт Fb1-Fb2; 8 – горизонт Fa3; 12 – горизонт Fa1-Fa2.

– IV / развитым ориньяком Западной Европы времени около 33/32–28 тыс. лет назад, который характеризуется полным набором кареноидных изделий (нуклеусов, скребков и резцов), серийностью срединных резцов и микропластин дюфур с вентральной и псевдо-дюфур с дорсальной тонкой маргинальной и абразивной ретушью под-типа рок де комб, если последние обнаружены в ходе раскопок, а также индикативным отсутствием острий кремс / фон-ив и пластин с ориньякской ступенчатой ретушью. Поэтому опять-таки не может не вызывать удивление атрибуция развитого ориньяка Сюрени I как или ориньякоидного эпиграветта (Сапожников, 2003, 2005), или эпиориньяка (Аникович и др. 2007) времени второй половины максимума похолодания Вюрма (около 20–18 тыс. лет назад).

Губский навес I (северо-западный Кавказ). Палеолитическая стоянка в этом небольшом навесе была обнаружена П.У. Аутлевым в 1962 г. и тогда же и в следующем 1963 г. им раскапывалась. В 1975 г. навес раскапывал Х.А. Амирханов и именно его информация (Амирханов, 1986) по нижнему верхнепалеолитическому слою является основной и по сути единственной при индустриально-хронологической атрибуции находок, которая и будет использоваться в настоящей статье. Кроме многочисленных кремневых предметов, данный слой навеса характеризуется обнаруженными в 1975 г. двумя углубленными очагами и редкими фаунистическими остатками с определяемыми среди них костями лошади (*Equus caballus*), козла или барана (*Capra / Ovis*), суслика (*Citellus sp.*) и слепыша (*Spalax sp.*).

Общая коллекция кремней со всей раскопанной за три полевых сезона площади слоя (16 кв. м) составляет 4590 экз., включая многочисленные отходы производства (1760 экз.) – обломки, осколки, неопределимые сколы и чешуйки. Нуклевидные предметы (55 экз.) четко структурируются в три группы. Присутствие многочисленных нуклевидных обломков (22 экз. / 40%) указывает на интенсивность первичной кремнеобработки на раскопанной площади навеса. Среди остальных 33 предметов, уже морфологически определенных ядрищ, наличны исключительно одноплощадочные формы и только у одного из них прямая ударная площадка, а все остальные нуклеусы имеют скошенные ударные площадки. Конкретная представительность нуклеусов для пластинок и/или микропластин (Амирханов, 1986, рис. 8, 2) и для пластин (Амирханов, 1986, рис. 8, 7) не ясна. Однако здесь выделяются не менее трех торцовых форм для микропластин (Амирханов, 1986, рис. 8, 1, 3, 5). Последние, с учетом присутствия в инструментарии Губского навеса I серийных кареноидных типов орудий, близки выделенным в пачке горизонтов F Сюрени I специфическим торцовым нуклеусам для пластинок / «кареноидным резцам». В дебитаже отщепы (1059 экз.) почти в два раза превышают все вместе взятые сколы пластинчатых пропорций (564 экз.). При этом среди последних сколов численно преобладают пластины (295 экз.) над пластинками (160 экз.) и микропластинами (109

экз.). Вызвано ли это проблемами тафономии культурного слоя в навесе или какими-то особенностями кремнеобработки на стоянке и затем возможно «экспортом» части артефактов в другие места за пределы навеса в настоящее время не понятно. Тем не менее, нельзя не отметить такие характеристики пластинчатого дебитаж, как «многие из них имеют неправильные очертания» и это «в большей степени относится к пластинам», тогда как пластинки и микропластины «имеют в основном параллельную направленность краев», однако, «и они не всегда выдержаны в сечении вдоль всей длины» (Амирханов, 1986, с. 36). Иными словами, пластинчатый дебитаж Губского навеса I напоминает таковой пачки горизонтов F Сюрени I: скрученные профили и асимметричность в плане. Инструментарий Губского навеса I (163 экз.), исходя из данных Х.А. Амирханова (1986, с. 37–44), можно первоначально подразделить на четыре основные категории орудий: скребки – 109 экз. / 66,9%, резцы – 17 экз. / 10,4%, так называемые «пластины и отщепы, усеченные ретушью» – 12 экз. / 7,4%, сколы с ретушью и неопределимые фрагменты орудий – 25 экз. / 15,3%. Три первые категории орудий достаточно индикативны в типологическом отношении. Абсолютно доминирующие среди орудий скребки демонстрируют, на первый взгляд, просто-таки обилие кареноидных (Рис. 16, 2) и высоких «с носиком» (Рис. 16, 1) типов, изготовленных преимущественно на отщепах и обломках, – 40 экз. / 36,7% и 6 экз. / 5,5%, соответственно. Однако такую многочисленность именно кареноидных скребков можно поставить под вопрос, если обратить внимание на выделение среди них Х.А. Амирхановым (1986, с. 39–41) 16 изделий «с узким рабочим краем» шириной не более 8 мм. Подобные изделия (Рис. 16, 4) намного больше соответствуют типологическим дефинициям кареноидных резцов и поэтому их лучше исключить из скребков в данном инструментарии. Обращают на себя внимание также 2 «скребка с брюшковым лезвием» (Рис. 16, 5), которые чрезвычайно морфологически близки 12 «пластинам и отщепам, усеченным ретушью» анализируемого инструментария, в связи с чем их целесообразнее относить именно к этим орудиям. Тогда сумма всех скребков составит 91 экз. (55,8% общего числа орудий), что все равно более половины всех орудий, а 24 кареноидных и 6 высоких «с носиком» скребков при пересчете составят 26,4% и 6,6%, что суммарно все еще много – 33%. К этим ориньякским скребкам присоединяются еще 2 (2,2%) плоских скребка «с носиком» (Рис. 16, 3). Соответственно, все вместе ориньякские типы скребков составляют 32 экз. или 35,2% всех скребков. Большая часть остальных скребков, изготовленных, в основном, на отщепах, предстают в виде различных вариаций простых плоских типов, включая и двойные образцы. Резцы, с добавлением к ним бывших кареноидных скребков, составляют уже 33 экз. (20,2% всех орудий). По типам, резцы показывают преобладание кареноидных (16 экз. / 48,5%) и срединных (9 экз. / 27,3%) изделий над боковыми (6 экз. / 18,2%) и угловыми (2 экз. / 6,0%)

формами. Вышеприведенная характеристика скребков и резцов Губского навеса I, составляющих три четверти всех, включая неопределимые, орудий полностью соответствует известным вариациям типологических черт развитого ориньяка / ориньяка II-IV Европы, в том

щими материалами Леванта может получить хронологическое продолжение и для развитого ориньяка. Такой интригующий типологический аспект материалов Губского навеса I естественно подразумевает актуальность дополнительного скрупулезного анализа кремневого

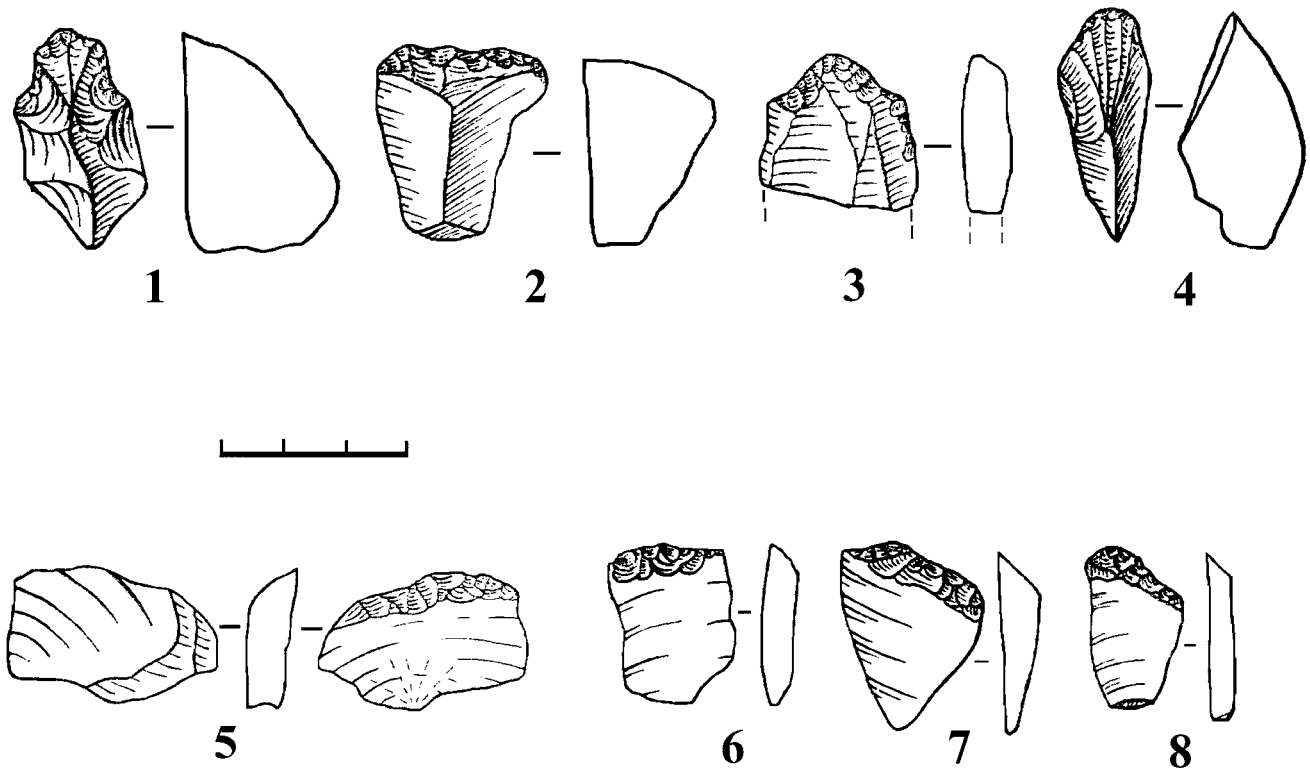

Рис. 16. Губский навес I. Артефакты из раскопок 1962-1963 и 1975 гг. 1 – высокий скребок «с носиком», 2 – кареноидный скребок, 3 – плоский скребок «с носиком», 4 – кареноидный резец, 5 – 8 – вентрально ретушированные изделия / латеральные кареноидные изделия (?). 1-8 адаптировано по Х.А. Амирханову (1986).

числе и ориньяка средней части культуросодержащих отложений Сюрени I, если не учитывать присутствие многочисленных «не-геометрических микролитов» в крымском комплексе. Наконец, обратимся к 14 вентрально ретушированных изделий этого орудийного инвентаря (Рис. 16, 5-8), что ни много, ни мало, а 8,6% всех орудий. Х.А. Амирханов исключает возможность интерпретации этих изделий, как представляющих «орудия с утоньшением одного конца», так как «конец заготовки просто наклонно срезан ретушью» и, в целом, «назначение упомянутых предметов остается неизвестным» (Амирханов, 1986, с. 43-44). Действительно классификация этих изделий, изготовленных на небольших сколах размером 2,5 – 3 см, несомненно, не простой вопрос. Особенно это трудно сделать только по публикации, потому что артефакты этой стоянки являются единственными рассматриваемыми в данной статье, которые я не изучал лично. Отсюда открыт вопрос об атрибуции данных специфических изделий, но возможно, что, как и в Каменноостской пещере, это латеральные кареноидные изделия и тогда типологическая связь ориньяка 0 северо-западного Кавказа с соответствующим

инвентаря этого памятника.

По стратиграфии, литологическим особенностям горизонта 8 с находками нижнего верхнепалеолитического слоя («погребенный гумус») и данным палинологического анализа, Х.А. Амирханов (1986, с. 15-16, 45-46) коррелировал данный культурный слой Губского навеса I с интерстадиалом паудорф, что вполне соответствует хронологии развитого ориньяка.

Монашеская пещера (северо-западный Кавказ). Эта стоянка, находящаяся в непосредственной близости от Губского навеса I (в 30 м к востоку от него, под одной и той же отвесной стеной каньона), известна со времени ее открытия и первоначальной шурфовки в 1961 г. П.У. Аутлевым. Затем Монашескую пещеру на протяжении нескольких периодов в 1970-х, 1980-х и 1990-х гг. исследовал В.П. Любин, сначала совместно с П.У. Аутлевым, а затем с Е.В. Беляевой. Именно Е.В. Беляева свела воедино и подробно опубликовала все данные по стоянке (Беляева, 1999). В целом, в толще позднеплейстоценовых отложений пещеры (от 0,7 до 1,7 м) было определено несколько культурных слоев среднего палеолита (Беляева 1999, с. 52). Среди многочисленных

кремневых артефактов среднего палеолита выделяется, однако, типичный верхнепалеолитический компонент. Выделяется он по-прежнему и немногочисленным, но абсолютно типичным верхнепалеолитическим типам артефактов – не менее 6 одноплощадочным нуклеусам для пластинок (Беляева, 1999, рис. 32, 4; 33, 8), отдельным скребкам на пластинах (Беляева, 1999, рис. 43, 1-2) и также кареноидным типам скребков (Беляева, 1999, рис. 42, 10), по ряду срединных и угловых резцов на пластинах (Беляева, 1999, рис. 43, 5) и серии кареноидных резцов (Беляева, 1999, рис. 43, 9-10, 12), а также пластинкам и микропластинам с редуцированными ударными площадками. Е.В. Беляева объясняет присутствие этих артефактов и более многочисленных еще, но атипичных и сомнительных скребков и резцов в среднепалеолитических слоях пещеры следующим образом (Беляева 1999, с. 85-87, 102-106, 140, 142-143). С одной стороны, технологически пластинчатые элементы или *«погоды все же не делают и постепенно тонут в «море» отщепов»* (Беляева 1999, с. 87), или *«усиление микролитности в очень большой мере связано с нарастанием интенсивности расщепления в условиях определенного дефицита качественного сырья»* (Беляева, 1999, с. 142). С другой стороны, типологические аспекты верхнепалеолитического компонента трактуются, в целом, как ничего особенно не представляющую собой формально верхнепалеолитическую часть общего среднепалеолитического типажа инструментария (Беляева 1999, с. 102-106, 143).

Автор настоящей статьи, однако, считает возможным рассматривать численно немногочисленные и только типичные верхнепалеолитические кремни Монашеской пещеры как отдельный, не связанный со среднепалеолитическими находками, комплекс находок верхнего палеолита. Другое дело, что это переотложенные, перемещенные по верхнеплейстоценовым кротовинам в том числе, кремни из несохранившихся до наших дней верхних отложений пещеры, которые были удалены *«позднейшими обитателями пещеры при благоустройстве скального жилища»* и *«это могло произойти в античное или средневековое время или даже в конце XIX – начале XX столетия, когда в пещере жили какие-то монахи (отсюда и название пещеры)»* (Любин 1977, с. 147). Об этом прямо указывает то, *«что несколько изделий несомненно верхнепалеолитического облика вместе с углями, обломками костей ... сохранились в глубине пещеры в пристенном напекке, отбивавшем некогда существовавший там уровень ее пола»* и *«высота этих напекков над современной поверхностью пола – 2,0 – 2,5 м, что означает удаление по крайней мере до 2/3 бывших плейстоценовых отложений»* (Беляева, 1999, с. 39). Поэтому с учетом существовавших когда-то в пещере верхнепалеолитических культуросодержащих седиментов, по присутствию одноплощадочных нуклеусов для пластинок, кареноидных скребков и резцов среди данного не *in situ* комплекса верхнего палеолита в среднепалеолитических отложениях здесь и факту расположе-

ния близ этого памятника Губского навеса I с находками развитого ориньяка в нижнем верхнепалеолитическом слое и можно говорить об ориньякском и даже точнее развитом ориньякском характере анализируемых артефактов Монашеской пещеры. В связи со всеми этими факторами, и следует пусть и небольшой численно, и переотложенный, но индустриально четкий компонент верхнего палеолита данной стоянки рассматривать в связке с соответствующими находками Губского навеса I и делать вывод о наличии, по крайней мере, двух стоянок на северо-западном Кавказе с находками развитого ориньяка.

Итак, имеющиеся данные по рассмотренным выше трем комплексам находок развитого ориньяка Большого Северного Причерноморья позволяют сделать следующие обобщающие заключения. С точки зрения индустриальных характеристик, это по базовым технико-типологическим данным индустрии одного «ориньякского качества», обладающие так называемым полным комплектом кареноидных изделий – и нуклеусов, и скребков, и резцов. Одновременно по наличию / отсутствию микролитов эти комплексы находок подразделяются на две фации – с микролитами (Сюрень I) и без таковых (Губский навес I и Монашеская пещера). Это обычная ситуация с археологическими проявлениями функциональных различий стоянок развитого ориньяка в той же Западной Европе, к примеру. Вместе с тем присутствие в Губском навесе I серийных вентрально ретушированных изделий / латеральных кареноидных изделий (?) возможно является типологическим «связующим звеном» развитого ориньяка северо-западного Кавказа с ориньяком 0 того же северо-западного Кавказа, с одной стороны, и ориньяком Леванта, с другой стороны. В тоже время комплекс находок развитого ориньяка Сюрени I полностью и в деталях находит аналогии в комплексах ориньяка II – IV с микропластинами дюфур под-типа рок де комб Западной Европы. Таким образом, по археологическим данным имеются бесспорные свидетельства связи развитого ориньяка Большого Северного Причерноморья с соответствующими европейскими комплексами, а также существует возможность проработать версию о ближневосточных корреляциях. С точки зрения хронологии, и Сюрень I, F, и Губский навес I находятся в хронологических рамках развитого ориньяка.

КРАТКИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Большое Северное Причерноморье, как и вся Восточная Европа, демонстрирует вполне типичную картину ориньяка *sensu lato* с ориньяком 0 и развитым ориньяком. Отсутствие ориньяка I с костяными / роговыми наконечниками с расщепленным основанием общая черта и востока Европы, и отдельных регионов центра и юга нашего континента. Это не должно нас смущать или ставить в тупик, а нужно думать, с чем это может быть связано. У нас,

в Восточной Европе, это можно объяснять следующим образом. *«Прежде всего, во-первых, не будем забывать тот очевидный факт, что палеолит востока Европы значительно менее изучен по сравнению с палеолитом и Западной, и Центральной Европы. Во-вторых, и это главное, Восточно-Европейская равнина, с одной стороны, можно сказать, знаменита своими лессами, которые мощными толщами покрывают седименты ориньякского возраста в 38-36 – 27-25 000 лет назад, а, с другой стороны, здесь нет пещер и навесов / гротов, столь предпочитаемых людьми палеолита естественных убежищ. Последние с сохранившимися культуросодержащими отложениями, причем в очень небольшом числе (!) для верхнего палеолита, известны практически только в Карпатах, Крыму и на Северном Кавказе. Поэтому со временем при интенсификации полевых исследований все-таки совсем не стоит исключать находки индустрии ориньяка I ... на нашей территории»* (Демиденко 2004б, с. 188). Возможны дополнительно и

иные, например, палеогеографические подходы.

Одновременно комплексы находок ориньяка Большого Северного Причерноморья не просто позволяют констатировать их присутствие на юге Восточной Европы, но и заниматься вопросами археологической вариабельности и ориньяка 0, и развитого ориньяка. Соответственно, открываются перспективы конкретных сравнений причерноморских комплексов с комплексами ориньяка Европы и Ближнего Востока. Положительное решение таких сравнений могут уточнить пути миграций людей современного типа на просторах Западной Евразии и привести к большему пониманию ориньяка, как явления раннего верхнего палеолита, в целом.

Я искренне признателен М.Д. Гвоздовер, Е.В. Булочниковой, В.Е. Щелинскому, В.П. Любину и Е.В. Беляевой за разрешение лично ознакомиться с материалами стоянок Чулек I, Каменноостская пещера, Широкий Мыс и Монашеская пещера в Москве и Санкт-Петербурге в 2001 и 2002 гг.

Abstract

YU. E. DEMIDENKO

THE GREAT NORTH BLACK SEA REGION AURIGNACIAN: AN OVERVIEW OF COMMON AND PARTICULAR INDUSTRIAL-CHRONOLOGICAL CHARACTERISTICS

The article deals with materials of 6 sites with Aurignacian complexes in the Great North Black sea region, the southern continuous belt of Eastern Europe during Last Interpleniglacial. According to the artefact data, it is possible to recognize both Aurignacian 0 / Archaic Aurignacian and Evolved Aurignacian complexes in this region. The Aurignacian 0 / Archaic Aurignacian industry is represented by assemblages from Siuren I rock-shelter (Crimea), the 1920s excavations lower layer / the 1990s excavations Units H and G, Chulek I site (Lower Don area), Kamennomostskaya cave, lower layer and Shyrokiy Mys site (North-Western Caucasus). While the Siuren I and Chulek I Aurignacian 0 / Archaic Aurignacian assemblages are the direct analogies in the respective Western and Central European Aurignacian assemblages, the Kamennomostskaya cave and Shyrokiy Mys materials do point out some certain typological parallels with Levantine Early Aurignacian. The Evolved Aurignacian industry is known through materials

from Siuren I rock-shelter (Crimea), the 1920s excavations middle layer / the 1990s excavations Unit F, Gubskiy rock-shelter I, lower Upper Palaeolithic layer and Monasheskaya cave, some Upper Palaeolithic flints redeposited with Middle Paleolithic cultural bearing sediments (North-Western Caucasus). And again, the artefact studies put the Siuren I materials into the context of European Evolved Aurignacian, whereas the Gubskiy I finds may have industrial connections with Levantine Aurignacian.

All in all, the conducted analyzes do testify not only presence of industrially and chronologically different Aurignacian industries in the Great North Black sea region but their some archaeological variability that shows their possible connections with both Europe and Levant. Finally, the concrete Aurignacian *sensu stricto* studies in the Great North Black sea region refute completely the “*Aurignacoid*” concept for the whole Eastern Europe.